

ОСТРОВ ПРЕДАТЕЛЬСТВА

*Кажется,
они нашли идеальный
новый дом...*

СТРУАН МЮРРЕЙ

Сироты моря

Струан Мюррей

Остров предательства

«ЭКСМО»

2021

УДК 821.111-93
ББК 84(4Вел)-44

Мюррей С.

Остров предательства / С. Мюррей — «Эксмо», 2021 — (Сироты моря)

ISBN 978-5-04-169084-7

Сиф и Элли бежали. Оставив позади мрачный город-остров, где им грозила неминуемая гибель, они переплыли море в поисках нового дома. И нашли его на прекрасном острове, залитом солнцем и пропитанном ароматами экзотических плодов. Но действительно ли Сиф и Элли теперь в безопасности? Или однажды черные корабли города-острова возникнут на горизонте?

УДК 821.111-93

ББК 84(4Вел)-44

ISBN 978-5-04-169084-7

© Мюррей С., 2021

© Эксмо, 2021

Содержание

1. Состязание в надежде	6
2. Воздадим Ей хвалу	12
3. Остров Кораблекрушения	17
4. Кошунство	22
5. Гнусный дуб	26
6. Соглядатай	32
7. Уроки гуано	37
8. Человек на рыночной площади	42
9. Послания любви и дружбы	44
10. Сталактиты	48
Конец ознакомительного фрагмента.	49

Струан Мюррей

Остров предательства

Struan Murray

ORPHANS OF THE TIDE 2

Original English language edition first published by Penguin Books Ltd, London

Text copyright © Struan Murray 2021

Illustrations copyright © Manuel Šumberac, 2021

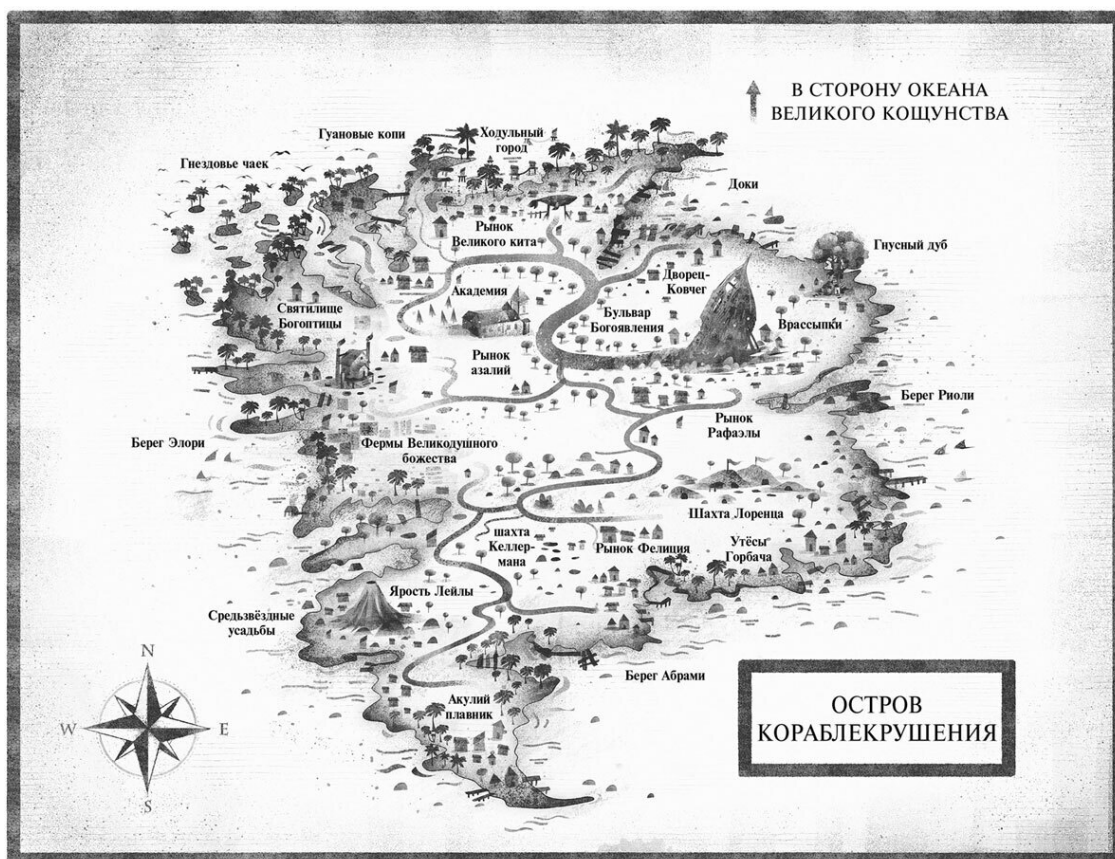
The author has asserted his moral rights

All rights reserved

© Скляр М., перевод на русский язык, 2022

© Издание на русском языке, оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 2022

* * *

1. Состязание в надежде

Мальчик заметил бледный отсвет акулы, и рот его наполнился слюной. Он плыл меж лучей лунного света, надеясь, что она не почует его приближения.

Над собой он видел чёрный квадрат на поверхности моря. Две бледные ноги свисали с его края. Мальчик каким-то образом знал, что не должен есть их, знал так же подлинно, как знал собственный голод.

Лучше он съест акулу.

Он взмахнул своим массивным хвостом, и вода зарокотала вокруг. В последний момент акула заметалась влево, вправо, влево, и мальчик почувствовал возбуждение, прокатившееся от кончика носа до плавников. Он щёлкнул челюстями, промахнулся и щёлкнул ещё раз. Зубы его скользнули по коже акулы, и кровь напоила воду. Так близко. Акулий хвост ударил его по лицу, и мальчик рванулся вперёд и крепко укусил, зубы его вспороли плоть и кость и...

– СИФ! – завопила Элли, ударяя его по голове рукоятью отвёртки. – Слезь с меня!

– М-м-м? – пробормотал Сиф, распахивая глаза.

– Ты кусаешь меня!

– Что? – охнул Сиф, неловко отпрянув на четвереньках, так что весь плот накренился, и Элли пришлось схватиться за мачту. Отпечатки зубов на Эллиной руке влажно блестели слюной в лунном свете. – Извини!

– Ничего страшного, – сказала Элли, вытирая слюну рукавом. – Ты спал.

Сиф потёр затылок.

– Я не спал, – сказал он. – Там... под лодкой что-то есть. Что-то большое.

Элли вытащила ноги из воды.

– Больно было? – спросил он, не сводя глаз с исчезающих отметин.

– Да, жутко, – соврала Элли, подбирая маленькие сломанные часы, с которыми она возилась. – Тебе придётся откупиться ещё одной игрой.

Сиф застонал и, плюхнувшись на живот, спрятал лицо в стиге руки.

– Нет. Я слишком голоден, чтобы соображать.

– Но нам нужно отвлечься от еды. Особенно раз ты делаешься каннибалом.

– Я думал, что ем вовсе не тебя, а акулу.

– Какую акулу?

– Я увидел акулу. Но я был не я. Я был... чем-то иным.

– Ты опять был в море? – спросила Элли, и Сиф кивнул. Элли несообразно обижалась на Сифа всякий раз, так тот погружался разумом в море. Она боялась, что он делает так, избегая её. В последние дни они часто спорили из-за всякой ерунды, впрочем, уже через минуту другую мирясь. Элли обнаружила, как, оказывается, тяжело всё время находиться в обществе одного человека – даже если тот нравился ей так сильно, как Сиф, – а по её расчётам, они были в море по меньшей мере уже три месяца.

– Давай ты первый, – сказала она.

– А надо? – Сиф перекатился на спину. Он был такой высокий, что ему приходилось подгибать ноги, чтобы поместиться на плоту.

– Да, потому что ты укусил меня, – заявила Элли.

Мачта издала скорбный стон, парус трепетал на тёплом бризе.

– Ладно, будь по-твоему, – согласился Сиф. Он сел, раздражённо хмуря брови. – Я хочу...

– Надеюсь, – вполголоса поправила Элли. Слово «хочу» перестало быть для неё приятным.

– Надеюсь, – повторил Сиф, вглядываясь в горизонт. В лунном свете мальчик казался нарисованным карандашом и тушью, одни прямые линии и спутанные чёрные волосы. – Я

надеюсь... что на этом новом острове мы найдём пару настоящих кроватей – с подушками – и сможем спать до полудня, не опасаясь того, что нас съедят волки.

– Не слишком впечатляет, – заметила Элли. – И я уверена, что ты уже как-то раз говорил это.

– Я, знаешь ли, до сих пор вижу этих волков во сне. Как горят красным их глаза.

– Их глаза не горели красным, – возразила Элли, хотя и дружелюбием они не светились. Волки разбудили Сифа и Элли своим воем на одном крохотном островке примерно с месяц тому назад.

– Ладно, моя очередь, – сказала Элли, потирая ладони. – Я надеюсь, что на этом новом острове мы найдём кучу людей, которым я буду нужна, чтобы изобретать для них разные штуки, и, в общем, я смогу создать удивительные машины, которые превратят остров в рай, где все будут всегда счастливы и никто не будет страдать.

Сиф уставился на неё. Глаза у него были морозно-голубые, и подчас возникало такое чувство, будто на тебя смотрит кошка.

– Думаю, моя надежда выигрывает, согласен? – жизнерадостно объявила Элли, вытаскивая перочинный ножик из одного из бесчисленных карманов своего старого перелатанного бушлата. Она подползла на локтях к тому углу плота, где в древесине было процарапано множество вертикальных чёрточек – одни под грубо вырезанной буквой «Э», другие – под буквой «С».

– А почему бы не надеяться, что остров и так уже рай? – поинтересовался Сиф.

– Что? – переспросила Элли, довольно сдувая упавшие на лицо волосы.

– Зачем надеяться, что ты сможешь превратить остров в рай? Почему бы тогда не надеяться, что остров уже рай?

Элли наморщила нос:

– Но тогда... какой от меня прок?

Сиф пылливо посмотрел на неё.

– Давай сосредоточимся на том, чтобы добраться до этого острова, – сказал он, опасливо глянув через плечо. – И быстро.

– Сиф, в последний раз тебе говорю, никто нас не преследует.

– Я видел парус, Элли. Чёрный парус. Это, должно быть, Инквизиция.

– С чего Инквизиции преследовать нас? Они считают, что я мертва.

– Может, они догадались, что ты инсценировала свою собственную смерть. Корабль определённо следует за нами – я чувствую его в воде.

– Если даже корабль плывёт за нами, это ещё не значит, что он преследует нас. А теперь брось и давай сыграем ещё раз...

Сиф дёрнулся в сторону, не сводя глаз с моря.

– Что ещё теперь? – спросила Элли. – Инквизиция гонится за нами верхом на дельфинах?

– Нет, это косяк рыб.

– Какой косяк рыб?

– Тот, о котором я тебе уже говорил, – возбуждённо выпалил Сиф. – Они вернулись. Мне кажется, их притягивает ко мне.

Элли закатила глаза.

– О да, потому что ты такой интересный. Может, попробуешь поймать хоть одну?

– Чем, голыми руками?

– Своим даром, Сиф. Тебе вообще следует каждый день тренироваться, чтобы не забыть, как им пользоваться.

Сиф посмотрел на море так, словно оно кишело опарышами.

– Мне не нравится к нему обращаться, – надулся он.

– Ну и отлично. Оставайся голодным.

Он сердито уставился на неё, а затем сгорбился над водой, закрыв глаза и схватившись за край плота. Его пальцы напряглись, ногти вонзились в дерево.

И тогда на поверхности его рук проступили тёмные разводы. Он скривился, как будто от боли.

– Сиф? – окликнула Элли, подползая к нему.

Глаза Сифа резко распахнулись, и он протянул над волнами одну руку. Вода плеснула, и что-то маленькое и блестящее, извиваясь, скользнуло из океана прямо в его выставленные наготове пальцы.

– Это было потрясающе! – воскликнула Элли, захлопав в ладоши, но тут же вздрогнула, когда Сиф с силой шмякнул рыбу об мачту. После этого она перестала извиваться. Он схватил перочинный нож и, быстрым движением срезав кожу с рыбки, протянул её плоть Элли. Она мерцала в лунном свете.

– Думаю, я подожду, пока мы не сможем развести костёр, – сказала Элли, хотя желудок её заныл. Сиф оторвал кусок и проглотил.

– Это отвратительно, – сказала Элли.

Сиф пожал плечами, и Элли смотрела-смотрела, а затем пододвинулась к нему.

– Так как ты это сделал? Заставил воду выплюнуть рыбу или уговорил рыбу выпрыгнуть из воды?

– Не знаю, – пробурчал Сиф с набитым ртом. – Ты точно не хочешь? – Он вытащил из зубов застрявшую косточку, а затем помотал перед ней изувеченной рыбкой.

Элли с сомнением оглядела её:

– От сырой рыбы можно расхвораться.

– От голода можно помереть.

Элли взяла рыбу. Голова висела набекрень, держась на надломленном хребте. Она понюхала её, а затем надкусила. Вкус был одновременно и солёный, и сладкий, плоть разошлась у неё на языке.

Сиф улыбнулся, и веки его опустились. Он всегда уставал, когда прибегал к своей власти над морем. Несколько раз за время их путешествия ему пришлось успокаивать бушующие волны или же гнать вперёд плот, когда не было ни ветерка. Всякий раз после этого он валился с ног, и кожа у него холодела, как от утреннего заморозка.

– Сыграем ещё разок? – бодро предложила Элли. Она знала, что это эгоистично, но она не хотела, чтобы Сиф уснул и оставил её одну. Когда она спала, ей снилось, как её преследуют по извилистым проулкам. Когда она была одна, ей казалось, что она слышит в шуме ветра голос. – Пожалуйста?

Сиф посмотрел на неё из-под прикрытых век.

– Ладно, – вздохнул он. – Я надеюсь... что на этом новом острове ты найдёшь кого-нибудь другого, с кем играть в эту бессмысленную игру.

– Сиф! – Элли стукнула его по руке. – Будь серьёзнее.

Сиф без особого успеха попытался сдержать сонную улыбку.

– Извини. Я надеюсь, что на этом острове я смогу научиться ловить рыбу нормально, не используя... – Он посмотрел на тающие синие извивы у себя на коже. – Ну, ты знаешь.

Элли подождала, ожидая продолжения.

– И всё? – спросила она наконец. – Но почему ты не хочешь использовать свои силы?

– Потому что я от этого устаю.

– А ты не хочешь найти на острове новых друзей? Они могли бы научить тебя рыбачить, не используя дара.

Сиф пожал плечами:

– Я не доверяю людям.

– Они будут не такие, как люди из Города, – сказала Элли. – Они могут оказаться хорошими. И мне же ты доверяешь, правда? И могу поспорить, ты доверял своим братьям и сёстрам.

– Мои братья и сёстры не были людьми, они были богами. И они все мертвы. Не считая Врага.

Элли передёрнуло, сердце сжалось у неё в груди.

– Прости, – произнёс Сиф.

– Но мы не знаем наверняка, что они все мертвы. Смотри, все в Городе думали, что остался один Враг, а затем объявился ты. Может, если бы мы отыскиали других богов, они помогли бы тебе вернуть воспоминания? Помочь тебе вспомнить, кто ты на самом деле.

– Я знаю, кто я. Я Сиф. Твоя очередь, – ответил он.

Элли зыркнула на него.

– Прекрасно. Я надеюсь, что на этом новом острове... – она примолкла, задумавшись, – есть люди, которые... вроде меня. Вроде моей матери. Люди, которые хотят изобретать разные вещи – которые хотят сделать мир лучше. Я надеюсь, что там есть люди, которые увидят, что я особенная.

Она говорила, и волоски у неё на шее встали дыбом, и грудь стеснило тоскливое желание. Сиф смотрел на свою руку. Он неожиданно крайне заинтересовался небольшим порезом на пальце.

– Что? – невыразительно поинтересовалась Элли.

– Я не уверен, что эта игра идёт тебе на пользу. Ты питаешь чересчур большие надежды. Мы знать не знаем, что найдём на этом острове, да и вообще, существует ли он.

Элли кольнуло раздражение.

– Но мы же видели его – на карте в форте Инквизиции.

– Да, и Инквизиция всегда заслуживает доверия, – сказал Сиф, закатив глаза.

Элли сделала глубокий вдох. Этот разговор между ними происходил уже не раз. Но она понимала, почему Сиф склонен опасаться – ведь Инквизиция пыталась сжечь его заживо.

– И даже если он существует, – проворчал Сиф, – он может оказаться опасен. Зачем ещё Инквизиции держать его в секрете?

Элли нахмурилась.

– Может, потому что это чудесное, восхитительное место, и они не хотят, чтобы все пыталась сбежать туда из Города?

– Это маловероятно.

Элли нахмурилась и отвернулась, вдруг почувствовав, что не желает больше видеть его лицо.

– Думаю, на этот раз выиграла я, – провозгласила она и, взяв нож, прочертила ещё одну вертикальную линию рядом с теми тридцатью, что уже были высечены под буквой «Э». Она посмотрела на шесть чёрточек под буквой «С». – Дела у тебя неважные, – прибавила она.

– Мне это совершенно безразлично, Элли.

Элли почувствовала, как внутри у неё всё вскипело яростью. Она схватила обглоданные останки рыбы и швырнула их в голову Сифу. Тот пригнулся, и они с плеском упали в море.

Вода вздыбилась чёрной отблёскивающей громадой, которая разъехалась по середине, обнажая острые зубы и толстый розовый язык. Пасть захлопнулась, и рыба исчезла, но создание продолжило подниматься в фонтане брызг, разлетающихся от его гладких боков. Белое брюхо обрушилось на плот, качнув его с такой силой, что Элли поскользнулась и кувырнулась назад, доски ушли у неё из-под ног. Она захлебнулась солёной водой, хлынувшей ей в нос и в рот и тут же пропитавшей одежду.

Элли открыла глаза и сквозь водяную муть увидела её – косатку с белыми отметинами на боках и высоким плавником на спине. Какое-то мгновение та смотрела на неё, затем перевер-

нулась и уплыла в вихре пены. Облегчение затопило Элли, когда косатка исчезла в темноте. Девочка забила ногами, поднимаясь к поверхности, едва рискнув бросить взгляд в глубину из опасения, что волнение может привлечь акул. Но там была лишь бесконечная, засасывающая свет пустота.

Элли нахмурилась и заморгала в солёной воде. Ибо там что-то было – она могла в этом поклясться. В самой глубинной темноте – нечто даже более чёрное, чем мрак.

Фигура. Нечто, имеющее очертания человека.

Бесконечные секунды она смотрела, пытаясь решить, реально ли то, что она видит. Силуэт истаявал, чтобы снова соткаться у неё на глазах. Когда он проявлялся, он был бездвижен. Не плыл, но оставался на одном месте. Она чувствовала, что он наблюдает за ней.

Она моргнула, и фигура исчезла, а затем что-то ринулось снизу, и вот она уже поднималась, поднималась. Воды разомкнулись, и тёплый ночной воздух лизнул её кожу и наполнил лёгкие. Над ней светила луна, и горели светлые глаза Сифа.

Он стянул её со спины косатки на плот и обернул вокруг неё длинный бушлат из тюленьей кожи. Тёмный хвост, плеснув водой, воздвигся над ними, а затем исчез в бурлении воды и шелесте пены.

– Ты в порядке? – спросил Сиф, постучав её по спине. Элли закашлялась, морская вода хлынула носом. Девочка затрясла головой.

– Всё хорошо, – заверил Сиф. – Косатка не причинила бы тебе вреда. Я думаю, она приплыла сюда из-за меня. Давай зажжём масляную лампу.

– Дело не в ките, Сиф, – сказала Элли, её била дрожь, и она прижалась к нему, чтобы согреться. – Мне кажется, я видела...

– Что видела?

Элли прерывисто вздохнула, и Сиф сглотнул.

– Ох. – Он немного помолчал. – И онный выглядел как твой брат?

– Нет. Я не думаю, что онный сможет снова принять облик Финна, только не после того, что я сделала. Вообще-то я могла различить только тень. Но это был точно... онный. Онный смотрел прямо на меня.

– Но онный больше не властен причинить тебе вред, Элли. Ты одержала верх. И если ты не попросишь одного исполнить новые желания, онный не сможет обрести силу.

– Ага, – проговорила Элли, исхитрившись слабо улыбнуться. – Ага, ты прав.

– И ты больше ничего не просила, и ты не станешь этого делать. А значит, онный больше не властен причинить тебе вред.

Элли кивнула.

– Спасибо тебе, Сиф, – сказала она, ещё сильнее заворачиваясь в бушлат. Девочка отважилась бросить взгляд вглубь моря, но ничего не увидела, кроме своего отражения. Когда она подняла глаза, Сиф по-прежнему наблюдал за ней. Он задорно улыбнулся.

– Я надеюсь, – начал он, – что на этом новом острове будут хорошие люди, которые позволят нам жить там вместе с ними, которые накормят и приветят нас. Что на этом острове ты сможешь завести друзей и изобрести потрясающие новые машины, и что Инквизиция не сможет найти нас. Что там никто и никогда не слышал о Враге.

Элли тоже улыбнулась, смахнув с глаз прядь мокрых волос.

– Вот честно, на этот раз, думаю, ты выиграл.

– Но ты же не высказала никакую надежду?

Элли подобрала свой перочинный нож и вырезала линию под буквой «С».

– Ничто не может быть лучше этого, – сказала она, глядя на него.

Но когда их глаза встретились, Сифа отвлекло что-то увиденное за Эллиным плечом, и взгляд его наполнился неожиданным восторгом. Элли тоже обернулась посмотреть.

Он лежал у горизонта. Тёмная зубчатая тень, выхваченная лунным светом.

Новый остров.

2. Воздадим Ей хвалу

Час за часом остров сидел на горизонте. Он словно и не приближался, просто делался больше, и Элли сомневалась, достигнут ли они его вообще. Она вытащила из кармана бушлата подозрную трубу, протёрла линзу большим пальцем и сощурилась в окуляр.

– Из этого острова что-то растёт.

– Гора? – предположил Сиф.

Элли нахмурилась.

– Нет. Форма слишком правильная. Как будто созданная людьми. – Она передала ему подозрную трубу. – Это вроде как похоже на...

– Корабль, – сказал Сиф.

– Ага, – согласилась Элли. – Огромный корабль.

– Но что корабль делает на макушке острова?

– Я не знаю. Может, он сел на мель? Но как... – У Элли зазудели ладони. – Постой! Сиф, быть может, это Ковчег. Один из тех четырёх громадных кораблей, на которых люди избегли Потопления!

По мере продвижения плота солнце поднималось, окрашивая восточный край неба в бледно-оранжевый, размывая черноту массивной структуры, покоящейся на вершине острова. Она была такой изогнутой серповидной формы, что казалось, будто сама луна обрушилась с небес. Элли и Сиф переглянулись – без сомнения, это был Ковчег.

Сам остров был окутан туманом, из мглы проступала только одна сторона, где набекрень торчал вулкан. И даже он терялся рядом с Ковчегом, что дыбился и вырастал, заполняя кругозор вспухнувшей тенью. Плот скользил сквозь влажную завесу, оставлявшую горячую испарину на их лицах.

Затем появились дома.

Поначалу Элли думала, что они вопреки всякому вероятно плывут над водой. Но когда туман рассеялся, она поняла, что они были подняты на сваях – деревня деревянных хижин с соломенными крышами, соединённых между собой шаткими мостиками и узкими настилами. Туман разошёлся, и солнечный свет залил деревню, явив яркое многоцветье красок: вишнёво-красных и васильково-голубых, и жёлтых, как яичный желток, а ещё аляповатые резные фигуры китов и рыб и акул, торчащие по углам крыш и с ухмылкой глядящие в море.

Женщина открыла дверь под мелодичный перестук «музыки ветра»¹ и вышла на мостки.

– Доброе утро, Алистер, – окликнула она старика, сидевшего в кресле-качалке на крыльце. – Похоже, славный будет денёк.

– Да, верно. Воздадим Ей хвалу.

– Воздадим Ей хвалу, – улыбнулась женщина. Взгляд её скользнул по Элли и Сифу, чей плот проплывал внизу под настилом. – И на что вы только похожи, – весело проговорила она.

– Да неужто вы на этом приплыли аж с острова Ингарфа?

– Ох, – промямлила Элли. – Ну, то есть э...

– Да, – напряжённо ответил Сиф. – Мы приплыли... с острова Ингурфа.

– Надеюсь, вам есть где остановиться, – сказала женщина. – Вы только посмотрите на себя, вам не помешает хорошенько помыться.

– Да, уж это точно, – сказала Элли с деланным смешком. – Это, наверное, всё наша грязь с острова Ингарфа.

¹ Музыка ветра – музыкальная подвеска-украшение из пластин дерева, или бамбука, или ракушек, которые, ударяясь друг о друга на ветру, издаёт негромкий перезвон.

– А тебе и хорошенько поесть, худышка, – сказала женщина Элли. – Впрочем, похоже, вы привели завтрак с собой.

Элли проследила, куда она указывает, и увидела ковёр поблёскивающей рыбы, тянувшийся за их плотом, – как будто многие тысячи осколков голубого хрусталя.

– Немало воды утекло с тех пор, как я видел такой большой косяк и так близко к острову. Быть может, удача наша переменилась, да возблагодарим Божество, – провозгласил мужчина. – Воздадим Ей хвалу.

– Воздадим Ей хвалу, – эхом отозвалась женщина.

– Воздадим Ей хвалу, – сказала Элли, чувствуя, что так будет правильно.

Плот медленно несло между затянутыми водорослями сваями, под помостами и верёвочными мостами. Сиф сидел на корточках, упираясь ладонями, глаза его бегали от одного дома к другому.

– Не надо нам было выбрасывать то копьё, – сказал он.

– Всё в порядке, – сказала Элли. – Нам просто нужно вести себя так, словно мы местные.

Увидев проходящий мимо косяк, старуха вытянула ловушку из-под своего дома и захихикала – сколько же рыбы билось внутри. Заметив Элли и Сифа, она сузила глаза. Сиф оберегающе заслонил Элли рукой, но Элли отмахнулась от него.

– Улыбайся, – прошелестела она, изобразив натужную улыбку. – Смотри подружелюбнее.

Сиф с такой силой схватился за край плота, что занозил руку.

– Ай!

– Сиф, успокойся. – Элли достала из бушлата щипчики. – Не переживай.

– А почему нет? Когда я в прошлый раз попал в новое место, все тамошние жители пытались меня убить.

– Все, кроме одного, – сказала Элли, вытаскивая занозу из ладони Сифа. Она улыбнулась ему, но он лишь потёр шрам на руке – след, оставленный при допросе особенно ярым Инквизитором по имени Харграт.

– Всё обойдётся, Сиф, – сказала ему Элли. – Мы вместе, мы справимся.

Плот несло дальше вглубь деревни. Над головами детей крались кошки, провожая глазами косяк рыбы и облизываясь. Какой-то мужчина на каное подгрёб к плоту сзади, держа наготове рыболовную сеть и полностью игнорируя мрачные взгляды Сифа.

Наконец в просветах между сваями показалась прибрежная полоса цвета жжёного сахара. Выше к острову лепились здания из золотистого песчаника, рядами взбиравшиеся к необъятной громаде Ковчега. Одни прижимались друг к дружке, как закадычные друзья, другие стояли наособицу, окружённые яркими цветами в горшках. И деревья – настоящие деревья – вымётывались из почвы, и не иссохшие и жалкие, как те, что росли в Городе, нет, это были пышные пальмы, склонявшиеся под тяжестью связок толстобоких волосатых кокосов. Они торчали между зданиями, а кое-где и сквозь здания, разметаив черепичные крыши.

– Как красиво, – промолвила Элли.

– Это не значит, что здесь безопасно.

Плот прибило к берегу. Перед детьми стоял большой лаймово-зелёный дом. На ступенях крыльца сидела девчушка, жуя травинку.

– Вот видишь... здесь никто не хочет нас убить, – сказала Элли.

Сиф буркнул и уставился на девочку так, будто она могла припрятать гарпунное ружьё. Элли схватилась за мачту, чтобы подняться на ноги.

– Что будем делать с плотом?

– Я думаю, можно просто оставить его.

– Но что, если кто-нибудь его украдёт?

Они посмотрели на плот, в общем-то груды палок, перевязанных высохшими плетями винограда, и рассмеялись. Сложно было поверить, что они провели на злосчастной штуковине

добрых три месяца. Они бросили Эллину подводную лодку, когда после первых же двух недель в море механизмы разъело солёной водой. Элли вздохнула, вспомнив о лодке, – это, вероятно, было её величайшее изобретение, пускай она и заработала только потому, что Враг починил её. Они оставили её на каменистом островке вместе с небольшой коллекцией инструментов и избранных книг, которые Элли захватила из Города. Теперь всё её имущество составляла надетая на неё одежда, содержимое карманов бушлата и сам бушлат: тускло-серые обноски, сшитые из лоскутов ткани и тюленьей шкуры. Несмотря на влажную жару, она натянула его, находя утешение в его привычной тяжести.

– Ты упаришься, – заметил Сиф.

Элли предостерегающе зыркнула на него, и Сиф понимающе кивнул. Надевая свой бушлат, Элли чувствовала себя практически изобретателем – как мать, а главное, это была броня между миром и тем страшным секретом, который она носила с собой повсюду.

– Вот, держи, – сказал Сиф, подбирая длинную отполированную деревянную жердь, которую они вытащили из штурвала подводной лодки. Элли недовольно уставилась на неё.

– Спасибо, – буркнула она, опираясь на трость, чтобы сойти с плота. Она повредила правую ногу в бегстве из Города три месяца тому назад. Нога никак не заживала, и Элли тревожилась мыслью, что это как-то связано с Врагом. Вскоре после того, как она поранилась, бог почти претворился внутри неё в свою материальную форму – а это убило бы её, не найди она способ остановить одного с помощью Сифа и своей верной подруги Анны.

Элли пересекла пляж следом за Сифом, загребая босыми ногами пушистый песок. Сиф оглядывал высокую деревянную статую женщины, что стояла около дома. У неё были пурпурные волосы до пояса, крупные жёлтые глаза и добрая улыбка. У ног её росла сирень, а на голове был надет венок из увядших маргариток.

– Как думаешь, кто это? – спросил Сиф.

– Может, это та женщина, которой все воздают хвалу, – заметила Элли, наклоняясь и восхищённо рассматривая резьбу.

– Вы неправильно делаете!

Малышка втиснулась между Элли и Сифом и встала на колени перед статуей.

– Благодарим тебя, Божественная Королева, что приносишь нам рыбу и цветы и хранишь наш остров. А ещё, пожалуйста, принеси мне новенького щеночка и почини бабушкино бедро.

Девочка презрительно покосилась на них, травинка по-прежнему торчала у неё изо рта.

– Кто... – начала было Элли, но Сиф утянул её в сторону, закрыв ей рот рукой.

– Нам не стоит задавать очевидных вопросов, – зашептал он. – Если люди поймут, что мы нездешние, они могут посчитать нас опасными.

Элли наморщила нос.

– Она совсем кроха. И вообще, тот мужчина поинтересовался, не с острова ли мы Ингарфа. И его это ничуть не смутило, а?

– Шептаться невежливо, – заметила девочка. – Особенно перед Королевой.

– Извини, – сказала Элли. – Э, воздадим Ей хвалу, – прибавила она.

Личико девочки так и загорелось.

– Воздадим Ей хвалу, – поддержала она и наклонилась, чтобы выдернуть из песка пучок травы.

Элли и Сиф пошли вдоль берега, оглядываясь через плечо на девочку, которая опять встала перед статуей на колени.

– Так она королева? – сказал Сиф.

Элли кивнула.

– Но эта девочка молилась ей. У нас в Городе люди молились святым, но... а ты слышал, что сказал тот старик?

– «Воздадим Ей хвалу», – бросил Сиф, пожимая плечами.

– До этого. Он сказал: «Возблагодарим Божество».

Сиф скривился.

Элли огляделась, чтобы убедиться, что никто не слышит.

– А что, если Королева и есть Божество, как ты? – спросила она, мурашки возбуждения побежали у неё по затылку.

– И откуда нам знать, хорошо ли это? – поинтересовался Сиф, с мрачным видом рассматривая статую. Девчушка собирала маргаритки, вплетая их в новый венок, который она затем водрузила на голову статуи взамен старого.

Элли знала двух богов. Один спас ей жизнь, и она верила ему безоговорочно. Другой три года пытался уничтожить её.

– Которая же ты? – прошептала она.

Дневник Лейлы

4753 дня на борту «Возрождения»

Мне хочется плакать, но нельзя, сначала я должна записать всё это. Такое чувство, что это важно.

Голубоглазый был сам не свой этим утром. Тюлень проплыл у самой его пасти, а он даже не кинулся, вот я и подумала, поглядим, что может сделать старая знахарка. Я упёрлась пятками и ругала Голубоглазого, пока тот не приплыл со мной обратно к Ковчегу – к той обдаваемой волнами платформе, что торчит из его бока. Я выдернула ноги из стремян и вылетела из седла.

– Позови Каргу! – проорала я, шлёпая по щиколотку в воде. Тимоти вытаращился на меня в ужасе. – НЕМЕДЛЕННО!

Он замельтешил по шатким лестницам к Небесной палубе. Я встала возле Голубоглазого на колени, чтобы осмотреть его. Чёрная кожа была в шрамах и буграх, как и обычно, но вот большущая белая отметина у него на боку стала цвета пожелтелой старой бумаги.

Заскрипела лестница, и, подняв голову, я увидела древнюю старуху – неистовое облако призрачно-чёрных волос и сто тысяч раз проморщиненное лицо. Вместо спины громадный горб, а глаза в переплетении морщин, прям как у высохшего грецкого ореха.

– Как ты так быстро пришла? – спросила я.

– Она уже спускалась вниз по лестнице! – возгласил Тимоти у неё за спиной.

– Мой кит болен, – сказала я Карге.

Она подковыляла ко мне, опираясь на костыль, сделанный из ветви дерева.

– Твой кит не болен, дитя.

– Ещё как болен. И не зови меня дитя – мне тринадцать лет и восемь дней, нечего звать меня дитя.

– Твой кит не болен, дитя.

– Тогда почему он не хочет охотиться?

– Потому что он стар. Слишком уж стар для кита своего вида.

– Прекрасно... ты целительница. Исцели его.

Карга цепко прикрыла глаза, слово спрятала какую-то тайну под веками.

– Старым тварям суждено умереть. А этой особенно.

– Нет! – прорычала я. – Мы повязаны – мы будем охотиться вместе, пока я не стану такой же древней и сморщенной, как ты! Он не умрёт!

– Дитя моё. Он уже умер.

– Вот и нет, он дышит, смотри! – я ткнула в его бок, который зримо поднимался и опадал.

– Это не он, – сказала Карга. – Грядёт новая жизнь. Нам должно помочь ей.

Двигалась она чересчур быстро для такой старухи. Я увидела всполох металла, затем густой красный разрез на боку Голубоглазого. Я подняла было кулак, чтобы врезать Карге, и тут заорала, увидев, что поднимается из нанесённой ею раны.

Рука.

3. Остров Кораблекрушения

– Пошли, Элли, – сказал Сиф. – Чувствую, едой пахнет, а я умираю с голоду.

Элли помедлила, оглядывая статую Королевы.

– Мм? А, а, ага, иду.

Она как раз собиралась повернуться, когда заметила нечто вдали на пляже, где ещё льнул к берегу туман.

Тёмный силуэт, смазанный по краям, как мираж.

– Сиф, а это не корабль? – спросила она. Всегда стоило убедиться, что он видит то же самое, что она.

Сиф нахмурился.

– Да. – Глаза у него сделались круглые. – С чёрным парусом.

– Это же не тот, который ты видел, тот, что следовал за нами? – спросила Элли.

– Я... не знаю.

Они смотрели, как корабль скользит к берегу. Он был маленький, самое большее на двух человек. У Элли на глазах с палубы прыгнула высокая фигура и осмотрелась по сторонам.

– И это ты тоже видишь? – прошептала Элли. Слишком уж тень напоминала тот тёмный силуэт, который она видела в недрах волн.

Сиф кивнул, вглядываясь в туманную дымку.

– Пошли. Кто бы это ни был, я сомневаюсь, что он захочет нам помочь.

Они заторопились вдоль пляжа к широкой щербатой деревянной лестнице, поднимавшейся из песка и встроенной в низкую гряду скал. Сверху доносился запах шипящих на огне помидоров, сладость ванили и розовый аромат, Элли слышала шумную толкотню многолюдья. Она оглянулась через плечо и увидела, что тёмная фигура остановилась посреди пляжа на некотором отдалении.

– Он... следит за нами?

Взяв Сифа за руку, она повела его вверх по лестнице на вершину скалы. В край музыки и цвета.

Мимо с хохотом носились дети, швыряясь друг в друга апельсинами; кувырком падая на землю куча-мала, они принимались бороться на желтоватом песчанике, словно разыгравшиеся щенки. Позади рыночная площадь гудела покупателями, одетыми в туники и платья всех оттенков осенней листвы. Все улыбались, чесали языками, весело торговались, толпились у затянутых кружевным тюлем прилавков, где были вывалены смятые кожаные башмаки, мерцали нити жемчуга, беспечно высились груды шляп.

В центре рынка покоился кит.

Он лежал на брюхе, подняв голову навстречу изогнутому кверху хвосту, и блестел драгоценными камнями, облепившими всю шкуру, прямо как морские жёлуди; из челюстей его волочилась борода зелёных и синих бумажных лент. Пасть отверзалась, как пещера, и внутри разместился целый оркестр флейт, лютней и скрипок. Две женщины в длинных, до пят, расшитых платьях пели, волосы их были схвачены жёлтыми лентами. Голоса женщин глубоко отдавались в чреве деревянного кита, так что казалось, будто это он поёт. Стайка ребят зачарованно сидела в тени.

Элли заморгала, пытаясь объять всё взглядом. Как может существовать такое веселье? Сиф сделал несколько опасливых шагов вперёд, и Элли заметила, как его съёжившаяся и напряжённая, словно тугая пружина, фигура обмякла, плечи распрямились, побелевшие костяшки пальцев снова сделались коричневыми, как только он разжал кулаки.

– Кажется, этот остров может оказаться в точности таким, как мы надеялись, – сказала Элли.

– Но что, если нас преследуют? – спросил Сиф. – Тот корабль...

– Ну а где проще спрятаться, как не на острове, полном людей? Я ведь прятала тебя на острове, полном людей, правда? От трёх сотен Инквизиторов.

Сиф окинул рынок пристальным взглядом.

– Тут славно, – признал он.

Элли вдохнула ручеек дыма, тянувшийся от куриных ножек, жарящихся над заглублённым кострищем. От одного запаха желудок заёрзал от голода.

– Нам нужны деньги, – сказала она.

– А? – сказал Сиф, не сводя глаз с женщины-эквилибриста на ходулях, бросавшей цветы толпящимся внизу детям.

– Деньги. На еду.

Сиф пожал плечами:

– Я могу просто наловить рыбы.

– Нам нужна не только рыба, Сиф. У нас даже башмаков нет! А где мы будем спать? Нам нужно найти работу. Тогда мы и деньги получим, и сможем сойти за местных. На тот случай, если кто-то действительно последовал за нами.

Сиф сощурился, глядя вдаль, а затем указал:

– Ты посмотри на все эти рыболовецкие шхуны! Там, должно быть, порт. Пошли!

Людская толпа расступалась перед Сифом, провожая его одобрительными улыбками и перешёптываясь с едва скрываемыми усмешками. Для Элли никто не расступался, а если кто и смотрел на неё, так разве что нахмурившись. Это вызывало у неё раздражение. Она нагнала Сифа, тяжело переводя дух, и придирчиво оглядела его. С такой безупречной кожей, большими глазами и симметричными чертами люди наверняка находили его внешность привлекательной, вынуждена была признать она. Это тоже вызывало у неё раздражение.

– Смотри, – произнёс Сиф.

Они вышли на вершину холма, высящегося над блистающим океаном с россыпью кораблей. Все до единого были стройные и столь же безудержно расцвеченные, как и весь остров: паруса окрашены, корпуса аляповато размалёваны – в общем, доки напоминали залитый водой цветник.

– Мы можем получить работу на одном из них, – сказал Сиф.

– Ох, – вздохнула Элли, дёргая обтрёпанные обшлага своего бушлата. Она представила себе, что вот они на шхуне, Сиф затаскивает огромную гору рыбы, а она, Элли, стреноженная рыболовной сетью и совершенно беспомощная, никуда не может деться, пока матросы забрасывают её вопросами, кто собственно она такая. – Эм, они ни за что не позволят женщине ловить рыбу. Даже Кастион не допускал женщин на свой корабль.

Сиф указал на пристани, иглами прошивавшие ковёр из шхун.

– Элли, да здесь половина матросов женщины.

– Ну... – Элли подняла свою трость. – А что с моей больной ногой?!

– Вон у той женщины вообще одна нога. Пошли, – Сиф потащил её к скрипучей деревянной лестнице. Море было зелёное, как расплавленные изумруды, а под ласковыми волнами Элли заметила крохотных переливчатых рыбок и розовеющие румянцем кораллы. Здесь из воды не торчали шпили и крыши, как в Городе, – все здания, должно быть, были построены уже после Потопления. Быть может, Ковчег врезался в остров, и его обитатели решили, что от добра добра не ищут, и выстроили здесь для себя новый дом.

Элли и Сиф плутали по докам, наблюдая, как матросы проносят по настилам ящики с влажно поблёскивающей рыбой, которые затем поднимались вверх на холм системой примитивных лебёдок – Элли уже критически поглядывала на неё, планируя улучшения. Они подошли к концу одного из причалов, где сидел на стуле массивный мужчина. У него была квадрат-

ная обветренная голова и широкие тёмные руки и ноги, все в шрамах и буграх, как кора дерева. Он развалился под большим газетным разворотом, словно надеясь, что под ним его не видно.

– Я ищу работу, – сказал Сиф.

Мужчина заворчал, а затем почесал повязку на глазу, внимательно оглядывая Сифа.

– Хорошо, – кивнул он. – Берись за швабру. Палубу нужно будет отдраить, когда Виола вернётся.

– Я не хочу драить, – возразил Сиф. – Я хочу ловить рыбу.

Мужчина закатил единственный глаз и, выудив из кармана колета² трубку, принялся набивать её табаком. Элли выглянула из-за плеча Сифа, раздосадованная тем, что мужчина на неё даже не взглянул.

– Ты с внешних островов? – спросил он.

– С острова Ингарфа, – уверенно заявил Сиф.

Мужчина фыркнул.

– Островитяне вечно заявляют сюда, думая, что работа просто свалится им на голову. Только что прибыли, а? – Он в первый раз глянул на Элли. – Что-то вы молоды для молодожёнов.

Сиф приглушённо хохотнул, смешок показался Элли оскорбительным.

– Мы не молодожёны, – она ущипнула Сифа за руку. – Моё имя Элли Л... – Она вздрогнула, вспомнив тёмную фигуру на пляже. – Элли Стоунволл. А это Сиф. Мы... брат и сестра.

– Да неужели? – Мужчина удивлённо перевёл взгляд с Элли на Сифа. И правда, сложно было найти двух менее похожих людей – Сиф был высокий и сильный, а Элли маленькая и тщедушная, волосы жидкие, тело теряется в безразмерном бушлате. Единственным разумным объяснением может быть то, что Сиф приёмный, решила Элли.

– Она приёмная, – сказал Сиф, и Элли кисло посмотрела на него. – Кто-то оставил её у нас на пороге. Мои родители были в ужасе.

Мужчина захихикал.

– Могу себе представить, – произнёс он, и Элли и его наградила хмурым взглядом. – Или драить палубу, или ничего. Ага, вот и твой шанс.

Небольшая шхуна с двумя парусами продвигалась вдоль причала, подтягиваемая на тросе моряком. На носу у неё была вырезана недовольная свинья. Два других моряка спустили с палубы ящик, и старик заглянул внутрь. Глаза его в ужасе округлились.

– Дык едва наполовину! – вскричал он.

– Всё потому, что рыба едва есть, папа, – заметила морячка, последней сошедшая со шлюпа. Она была примерно одних лет с Элли, с густыми чёрными волосами и тёмно-коричневой кожей, а уж своими длинными руками она одолела бы в борьбе даже Анну. На плече у неё пристроился крохотный серенький котёнок. Элли думала, что это припиленная к тунике набивная игрушка, пока котёнок не мявкнул жалобно. – Больше не было ни сегодня, ни вчера, ни весь прошлый месяц. И дело не только в рыбе – Джессика говорила, что её мать на ферме едва сводит концы с концами, а цена ячменя взлетела так, что Молворт считает, что к осени останется без пива.

– Всё наладится после Празднества Жизни, – мужчина стиснул руки. – Королева оделит. Воздадим Ей хвалу.

– Себя Она оделит, – фыркнула девчонка. – Она небось ворует всю еду для Себя и Своих богатеньких друзей.

Котёнок громко мяукнул в знак согласия.

– Прекрати немедленно этот богохульный бред, – рявкнул мужчина. – Доиграешься, опять тебя арестуют.

² Колет – кожаная куртка без рукавов.

Девочка закатила глаза.

– Кто это? – спросила она, кивнув в сторону Сифа. Элли она словно и не замечала.

– Понятия не имею, – пробурчал мужчина. – Я пытаюсь убедить его отдраить палубу. Он с внешних островов, так что вряд ли рассчитывает много получить. Вдобавок... – он наклонился к дочери и зашептал, – думаю, он глуп как пробка.

– Разрешите мне выйти в море на этой лодке, – твёрдо сказал Сиф. – Я найду, где есть рыба. Я... У меня есть особая техника, – прибавил он, видя, сколь мало впечатлили девчонку его слова. – Я лучший рыбак у нас на острове. Я... спорю на сегодняшний обед?

Элли схватила его за запястье.

– Сиф, – прошипела она. – Если они увидят, как ты обращаешься к своим силам, они могут что-то заподозрить.

– Я не стану к ним обращаться, – прошептал Сиф. – Рыба придёт ко мне. Она и раньше следовала за мной – и та косатка тоже. Мне даже не придётся использовать мой дар.

Старик, потеряв к происходящему интерес, бурчал что-то себе под нос, склонившись над полупустым ящиком. Девочка с любопытством посматривала на Сифа.

– И какой обед? – спросила она.

– Виола, брось ты разговаривать с этой морской губкой, – проговорил её отец. – Выходи опять в море и наполни остаток ящика!

Девочка зевнула и подставила руку, чтобы котёнок мог сползти по ней.

– Ладно. Но морскую губку я беру с собой.

– Что?

– Он или говорит правду, и тогда у нас будет улов получше этого, или он чокнутый, и я получу бесплатный обед. Кстати, меня зовут Виола, – прибавила она, адресовав Сифу медленную небрежную улыбку.

Сиф пожал Виоле руку.

– Сиф, – представился он.

– Меня зовут Элли, – сказала Элли, хотя, похоже, её никто не услышал.

Виола гоголем прошла к шхуне, поманив за собой Сифа. Сиф оглянулся на Элли:

– Идёшь?

– Ох, – сказала Элли. – Я... – Она посмотрела на Виолу, на остальных матросов и снова вообразила, что она стреножена сетью и не может увильнуть от расспросов. Не может помешать им узнать, кто она на самом деле. – Я думаю, мне лучше здесь остаться.

Сиф нахмурился:

– Почему?

– Я... Очень жарко. Я мгновенно обгорю. Стой, у меня тут где-то есть то, что тебе пригодится.

Она пошарила в карманах и, вытащив пригоршню карандашей и пузырёк с овечьей кровью, отыскала пару дырявых перчаток.

– Спасибо, – удивился Сиф. – Но они не подходят к моему наряду.

– Они смогут прикрыть синие разводы у тебя на коже, морская губка, – прошептала Элли. – Вдруг ты попадёшь в переплёт и будешь вынужден использовать свой дар. Вообще-то... – Она посмотрела на голые руки Сифа. – Может, тебе и бушлат тоже взять.

Она нервозно смяла лацканы своего бушлата.

– Элли, правда, ты не обязана это делать, – встревожился Сиф.

– Лучше так, чем снова на костёр, – сказала она и с тяжёлым вздохом сняла бушлат и отдала его Сифу. Она обхватила себя руками, тотчас чувствуя обвевающий шею ветерок и чужие взгляды, взгляды – везде.

Сиф натянул бушлат. Пальто, на Элли практически висевшее, на него едва налезло, но всё же неплохо закрыло руки.

– Пошли, приятель, скоро отлив, – окликнула его Виола. Сиф зашагал к кораблю, и Элли вдруг ощутила такую пустоту, будто ей недоставало всех членов, потребных человеческому существу.

Может, это оттого, что она отдала ему свой бушлат.

4. Кошунство

Элли провожала взглядом отплывающую шхуну Виолы, рассеянно постукивая тростью по краю причала.

– Тебя боль мучает, девочка? – раздался неприветливый голос Янсена. – Что случилось с твоей ногой?

Лодка быстро сделалась точкой на горизонте.

– Я споткнулась, – ответила Элли. Она обернулась и посмотрела на Ковчег, величественно громоздящийся на вершине острова, словно орёл в гнезде. Зелень пробивалась из его выгнутого серого днища, словно клочья шерсти из детской игрушки. Поначалу Элли решила, что это мох, но затем сообразила: это сады, растущие на огромных балконах. – Это там живёт Королева?

– Разумеется, – сказал Янсен. – Ты проста, как три салаки, а, девочка?

– Я с внешних островов, помнишь? Ты когда-нибудь Её видел?

Янсен фыркнул.

– Я видал Её, но не вблизи – с чего это они допустят меня близко к Ней? Я не достоин дышать одним с Ней воздухом. Это если Ей вообще надобен воздух.

Он схватил свою газету, явно полагая, что разговор окончен. Элли скользнула взглядом по заголовку:

ЛОРЕН СПАСАЕТ ТОНУЩЕГО МОРЯКА – МУЖЧИНА СЧАСТЛИВ УВИДЕТЬ СВОЕГО ГЕРОЯ

Элли снова задумчиво посмотрела на Ковчег. Какие особые ухищрения использовались, чтобы вырастить эти сады? Она вообразила себе Королеву: высокое светоносное создание, одевающее свой народ едой и лекарствами. Она вообразила себя подле Королевы, не уморённую голодом, шкандыбающую с палкой, но наряженную в переливчатое новое пальто, снабжённое сотнями карманов...

Храп Янсена выдернул Элли из сладостных мечтаний. Она бросила взгляд на своё отражение в воде, вспоминая тёмную тень, которую видела под волнами, и ту фигуру на пляже. Чувствуя себя неожиданно незащищённой, она торопливо прошла по причалу к твёрдой земле, мимо домов с облупившимися оранжевыми ставнями, лениво раскачивавшимися на ветру. Старички и старушки сидели на лавочках, сплетничая и прихлёбывая чай. Чуть дальше она обнаружила троицу детей, игравших в дверях дома. Одна девчонка – самая высокая из всей компании – ткнула в мальчишку.

– Ты признан виновным в измене мной, Королевой. Твоё наказание – это то, что тебе отрежут голову. Гемма, дай мне голову.

Девочка пониже протянула ей бесформенный холщовый мешок с вышитым на нём лицом. Ухмыляющийся мальчишка потянул вверх ворот рубахи, закрывая лицо, и высокая девочка пристроила мешок ему на голову. Она подняла большущую увесистую палку и сшибла мешок. Мальчик захихикал.

– Но это неправильно, – сказала невысокая девочка. – Королева добрая.

– Не всегда, – заявила высокая девица. – Она однажды отрубила кому-то голову за кражу козы.

Невысокая девочка покачала головой:

– Только не Королева. Никогда.

Элли покашляла.

– Э, простите, а можно я кое о чём спрошу?

Дети обернулись как один, увидели Элли и попятились.

– Ты призрак? – спросила высокая девочка.
– Ты очень больна? – озаботилась невысокая.
– Нет. – Элли оцетибилась. – Мне просто интересно... а как Королева выглядит?
– Она прекраснейшая из всех Королев и Королей во веки веков, – сказала низенькая девочка, – и самая добрая. Она никому никогда не отрезала бы голову.
– А вот и да! – закричала высокая девчонка. – Ворам и убийцам, и всем, кто с острова... – Она нахмурилась, губы её тщетно пытались сложить следующее слово. – Кон... Кон...
– Кончества? – бросилась на помощь невысокая. – Коршуна?
– Кошунства, – приглушённо произнёс мальчик из-под рубахи.
– Точно, – сказала высокая девочка. – Кон... Кон... Ну, сама знаешь. – Она наклонилась поближе к Элли и прошептала: – Врага.
Элли пошатнулась, прижимая руку к животу.
– Ты в порядке? – спросила коротенькая девочка, придерживая Элли за талию.
– В порядке, – соврала Элли. Ледяной осколок впился ей в сердце. Несколько мгновений она не могла вздохнуть.
– Не бойся, мисс, – сказала ей высокая девочка. – Люди, бывает, пытаются приплыть сюда из Города Врага. Потому что им так плохо там живётся, и потому что их бог злой. Но Королева всех казнит. А сам Коршунный никогда сюда не придёт. – Она гордо выпрямилась. – Королева хранит нас.
– Постой, – проговорила Элли. – Что ты имеешь в виду?
– А-а, ты, верно, с внешних островов. – Девочка снисходительно улыбнулась. – Враг боится Королевы, мисс. Понимаешь, божество внутри неё – это Божество жизни и творения. У оного даже нет настоящего имени, вот какое оно важное. А Враг – это бог смерти и разрушения, и, конечно же, оный боится Её.
Слова девочки запали Элли в голову, и весь страх смело прихлынувшим возбуждением. Божество внутри неё...
Королева – не божество. Она Сосуд.
Крепко схватив свою трость, она отталкивалась от камней мостовой, поспешая к докам.
– Сэр! – гаркнула она, махом затормозив в конце причала. – Эм, Янссен!
Громадный мужчина, всхрапнув, проснулся.
– Батюшки! – вскрикнул он. Тут он заметил Элли. – Ты кто?
– Откуда ты знаешь, что Королева – Сосуд?
Янссен посмотрел на Элли так, будто она была заплесневелой коркой хлеба.
– Вы там на внешних островах совсем безбожники. Я знаю, потому что это правда. Я знаю, потому что в морях есть рыба, а в полях пшеница. Я знаю, потому что ещё мальчишкой видел чудо её дара на Празднестве Жизни.
– На Празднестве Жизни?
– Королева, помилуй, да ты тупая, девочка? Один раз на жизни поколения Королева является народу, чтобы излечить недужных и взрастить поля и сады. У собственной моей матери, благослови её душу, была чахотка, и Королева взяла её руку в Свою... – Голос Янссена пресёкся, слёзы потекли из-под его глазной повязки. – Матушка прожила ещё десять лет. Десять! Благодаря Королеве она увидела, как я стал мужчиной. Воздадим Ей хвалу! А ты знаешь, что всякий раз, когда она использует свои силы, малая часть её утекает навсегда? Она отдала частичку себя просто для моей старой матушки. И через шесть недель она сделает это снова для всех нас на Празднестве Жизни. Вот тогда в море снова будет рыба, а в полях зерно.
Он рухнул на свой стул.
– Воздадим Ей хвалу, – прошептал он, а затем крикнул от испуга, когда на причал грохнулся ящик. Элли тоже подскочила. Она и не заметила, как лодка вернулась.

Виола и Сиф прыгнули на причал, улыбаясь, как пара взломщиков, провернувших отличное дельце. Котёнок Виолы победно мявкнул.

– Папа, ты плакал? – спросила Виола. – Опять из-за тех щенков?

Янссен нагнулся над открытым ящиком.

– КОРОЛЕВА, ПОМИЛУЙ!

Элли привстала на цыпочки, чтобы заглянуть внутрь. Ящик был до краёв полон блестящими белобрюхими рыбинами.

– Чудо! – вскричал Янссен.

– Папа, – сказала Виола, сжав его плечо. – Погляди на шхуну.

Янссен повернулся. Он булькнул, а затем издал пронзительный истерический смешок. Элли встретила взглядом с Сифом, и тот прикрыл усмешку ладонью.

Палуба была погребена под рыбой.

Дневник Лейлы

4754 дня на борту «Возрождения»

У Карги в недрах Ковчеге был сад. Никто не мог мне сказать, как что-то способно расти там без солнечного света, но, надо думать, нам и без того есть о чём тревожиться. Говорят, Капитан Ковчеге упускает власть, и скоро начнутся драки. И того хуже, шепчутся, будто Враг с нами в Ковчеге.

– Где этот мальчишка? Я придушу его! – заявила я Карге.

В комнате было жарко и влажно, пахло потом и землёй. Карга склонилась над каким-то растением, растирая между пальцев листочек размером с человека.

– Он не убивал твоего кита, – сказала она. – По правде сказать, он и есть твой кит.

– Где он?

Карга вздохнула и, подняв масляную лампу, повела меня между грядкой фасоли и ягодными кустами.

– Пожалуйста, воздержись от насилия – он необходим нам, если мы думаем выжить в этом плавании.

Мальчишка разметался на полу. У него было резко очерченное лицо, коричневая кожа, непослушные чёрные волосы. Он выглядел так, будто согонится для драки, если только он проснётся.

– Зачем ты его тут держишь? – спросила я.

– Ты мне не поверишь, но этот мальчик – бог.

– Невозможно. Богов больше нет.

– Я же сказала, что ты мне не поверишь.

– А ещё он не мой кит. Голубоглазый приносил пользу. Он приносил нам рыбу и тюленей.

– Девочка, этот мальчик принесёт нам столько рыбы, сколько нам будет нужно. Он само море.

– Он море, он мой кит, он бог. Определись уж, Карга.

– Ты мелка духом, дитя.

– Мой кит мертв, – скривилась я. – Мы были повязаны. Мы приносили еду на Ковчег. Что я без него?

– Например, ты могла бы помочь мне в саду.

– Я охотница. Я не стану поливать цветочки. Почему этот мальчишка мой кит?

Карга улыбнулась и склонилась над ним:

– Смотри.

Большим пальцем, покрытым коростой земли, она приподняла одно веко, обнажив глаз цвета тёмного моря. Я сделала шаг назад.

- Голубоглазый, – прошептала я. – Что это всё значит?
- Твоя косатка была Сосудом. Смертной душой, одержимой бессмертным духом.
- Ерунда. Глупости. Что ты имеешь в виду?
- Мне ведомы знаки, дитя. Ведомы, как никому другому.
- Это как?
- Карга нежно коснулась пальцем щеки мальчика.
- Потому что я тоже Сосуд.

5. Гнусный дуб

Улыбка Сифа дрогнула.

Глаза его расфокусировались. Элли бросилась, чтобы подхватить его, и он осел на неё как мешок с картошкой.

– Сиф? Ты в порядке? – Элли с трудом удерживала его в вертикальном положении.

– Он довольно воды пил? – спросил Янссен, трясаясь над Сифом так, будто он был призовым боевым тюленем. – ХАНДИЛ! – проревел он, повернувшись к концу причала. – ВОДЫ!

– Я в порядке. – Сиф с усилием разлепил глаза. – Просто устал.

Янссен энергично закивал и шлёпнул позвякивающий кошель в руку Виолы.

– Сними ему комнату в «Дубе».

Виола махнула Сифу и Элли, чтобы они следовали за ней.

– Я в порядке, – повторил Сиф, когда Элли повела его по причалу. – Я сам справлюсь.

– Что случилось? – она понизила голос. – Тебе пришлось прибегнуть к своим силам?

– Нет... но я что-то видел. – Он поморщился. – Кажется, я снова был китом. И там была девочка...

– Ты на мгновение заснул?

– Нет. Я не засыпал, – окрылся Сиф.

– Эй! – крикнула Виола, ушедшая вперёд по улице. – Ты идёшь или ты снова падаешь в обморок?

– Я не падал в обморок! – возмутился Сиф.

– Вы там на внешних островах такие неженки, – бросила Виола. – А я-то думала, что тебя можно завербовать на революционную борьбу.

Сиф и Элли встретились глазами.

– Э-э-э, а что это? – спросила Элли.

– Это когда народ поднимается и возвращает себе контроль над островом, узурпированный Её Королевской Беспольностью, – провозгласила Виола, нацелив обвиняющий палец на Ковчег.

– И кого ты уже завербовала? – уточнил Сиф, когда они загромыхали вверх по деревянной лестнице.

– Себя и Арчибальда, – призналась она, почёсывая котишку за ухом. – Народ слегка кипит, когда я заговариваю об этом. Но если хотите знать моё мнение, не нужно нам иметь бога в правительстве. Богам дела нет до нас, простых людей.

– Ты этого не знаешь, – проговорил задетый Сиф.

Виола зацокала языком.

– Ещё один фанат Королевы. – Она протяжно вздохнула. – А я питала на твой счёт большие надежды.

Она ущипнула его за руку и унеслась вперёд, ехидно улыбаясь. Элли ожгло изнутри.

– Сиф, послушай, – сказала она, отчасти затем, чтобы вернуть его внимание. – Знаешь, я кое-что узнала о Королеве. Она не божество. Она Сосуд.

Сиф посмотрел на неё долгим взглядом.

– Судя по всему, до неё были другие Короли и Королевы, – продолжила Элли. – Но они определённо заключали в себе того же бога, переходящего от человека к человеку. Другой Сосуд, Сиф! Как я!

Сиф нахмурился, но промолчал.

– Что? – спросила Элли. Сиф изучающе смотрел ей в лицо, но взгляд его был такой далёкий, как если бы он производил в уме сложные вычисления. – Ты разве не взволнован?

– Она не такая, как ты. Она Королева.

– Но внутри неё божество – кто-то из твоих братьев и сестёр.

– Элли, единственный из моих братьев и сестёр раз за разом пытается тебя убить. Может, Виола права, не доверяя Королеве.

– Но есть ещё кое-что, – торопливо проговорила она. – Враг боится её. Она самый могущественный человек на острове! А может, во всём мире! Что, если она сможет нам помочь?

Сиф посмотрел на неё со смешанным выражением жалости и тёплой привязанности.

– Элли, ты ничего о ней не знаешь. И что, по-твоему, она сделает, если ты вдруг объявишься и скажешь: «Привет, я тоже Сосуд, и да, кстати говоря, вот этот мой друг – бог»?

– Ну, само собой разумеется, я ничего такого не скажу, – отозвалась Элли.

– Могущественные люди опасны, Элли, – сказал Сиф. – Ты что, забыла об Инквизиции? Элли скрестила руки на груди.

– Если она Сосуд, это ещё не значит, что она опасна. Ну а потом, ты могуществен. И ты не опасен.

Сиф опять посмотрел на неё долгим взглядом.

– Нам не стоит привлекать к себе внимание. Нам нужно быть осторожными на случай, если человек с того корабля вправду последовал сюда за нами.

Элли пожала плечами.

– Ну а если так, ему лучше держать ухо востро – оказывается, здесь и раньше казнили людей из Города.

Сиф выпучил глаза.

– Тогда нам точно нужно быть осторожными.

Они вывернули с улицы и очутились в тени от днища Ковчега. С этой стороны остров казался почти вертикальным – отвесный склон поднимался к основанию Ковчега, облепленный уютными яркими домишками.

– Эта часть острова называется Врассыпки, – с явной улыбкой сказала Виола. Элли подумала, что это весьма подходящее имя. Дома стеной карабкались улица над улицей, прилаженные один на другой, как плохо подогнанные кусочки головоломки, причём так круто, что, вздумай кто-то с разбегу выскочить из дома, он бы непременно сорвался и разбился насмерть.

Они взобрались по узким лесенкам, вдоль сложенной насухо³ стены, где вышагивали куры, выклёвывая переливчатых жуков. Здесь росли уже не пальмы, а большие кряжистые дубы, которые выглядели намного старше всего на острове, за исключением, возможно, самого Ковчега. Из какого-то злополучного здания выросло дерево, хотя, пожалуй, правильнее было бы сказать, что это вокруг дерева выросли куски дома. Это был редкостно мощный и устрашающий дуб: он сжимал в своих ветвях фрагменты здания, словно ребёнок, разломавший любимую игрушку. Самая крупная часть строения, втиснутая в расселину ствола, была на одном уровне с улицей, и от неё разбегалось множество лестниц, поднимающихся вдоль и сквозь дерево, от ветви к ветви, туда, где другие ветхие домишки сидели будто птичьи гнёзда.

На одной из ветвей повисла металлическая табличка с надписью «... дуб» – первое слово было съедено ржавчиной.

– Гнусный дуб! – с гордостью объявила Виола.

– Неудачное название для гостиницы, – заметил Сиф.

– По-настоящему она называется «Королевский дуб», но так её никто не называет, кроме Молворта, трактирщика. Вот уж он злится, если вы назовёте её неправильным названием.

Где-то звякнули колокольчики, когда они открыли входную дверь в просторную комнату, пропахшую застарелым пивом и апельсинами. В нескольких местах стены были взломаны деревом, запусившим в проёмы ветви. За полированной барной стойкой стоял маленький мальчик, его бледное круглое личико едва виднелось за прилавком.

³ То есть без раствора.

– Здесь... мило, – проговорила Элли. – А где трактирщик?

Виола нахмурилась:

– Здесь.

– Где?

– Здесь, – сказал мальчик. Он приподнялся над стойкой, зыркнув на них глазами, тёмными как омуты. У него были слегка волнистые чёрные волосы, один завиток прилип к бледному лбу. Он был одет в чёрный камзол с серебряными пуговицами, определённо дорогой, и обтрёпанные штаны, определённо грошовые.

– Это Молворт, – представила его Виола. – Он владеец этой гостиницы.

– Сколько тебе лет? – поинтересовалась Элли.

– Двенадцать, – ответил Молворт. Голос у него оказался на удивление низкий. – А тебе сколько лет?

– Тринадцать. С каких это пор двенадцатилетние дети владеют гостиницами?

– С каких это пор тринадцатилетние дети задают глупые вопросы? И почему вы оба без башмаков? Виола, зачем ты привела ко мне идиотку и немного без башмаков? И вообще, разве я не изгнал тебя?

– Я не немой, – пробормотал Сиф.

– Я выиграл эту гостиницу, – заявил Молворт, скрестив руки на груди. – В карты.

Виола закатила глаза.

– А вот и нет. Твой папа отписал её тебе в своём завещании.

– Только потому, что я обыграл его в карты. Так-так, уж если вам не по карману башмаки, сомневаюсь, что вам по карману комнаты. И я не продаю пиво детям. – Он помолчал. – Больше не продаю.

– Мой папа как раз нанял здорового, – Виола позвела кошелём Янсена. – Одна из комнат наверху им по карману.

– Здорового? – повторила Элли.

Молворт испустил долгий стон.

– Ладно. – Он поклонился. – Позвольте мне принести ключ, и я сопровожу вас в вашу комнату, верные подданные.

Он неловко покачнулся и исчез. За барной стойкой, как вдруг заметила Элли, стояла очередная высокая статуя Королевы – так досконально и мастерски сработанной она ещё не видела. Другие королевские статуи стояли вдоль стен в нишах стеллажей в обществе пыльных бутылок, а к полкам были пришпилены десятки изображений прекрасного лица с жёлтыми глазами и пурпурными волосами. В углу одного рисунка было выведено: «Молворт, девять с половиной».

– А ты действительно любишь Королеву, – заметил Сиф.

Голова Молворта снова появилась, глаза – подозрительные щёлочки.

– А кто её не любит?

– Я, – брякнула Виола.

– Вот поэтому я тебя и изгнал! – рявкнул Молворт. – Только дурачки вроде Виолы не любят Королеву... Она наша возлюбленная кормилица и защитница. – Он взобрался на прилавок и воздел руки над головой, живо напомним Элли проповедников в далёком Городе. – Она Сосуд! – возгласил он. – Материальноеместилище нашего благого и великодушного божества, того, что приносит урожай и рыбу! Она смотрительница горизонта и источник самой жизни, и мы недостойны Её благодати! Она божественна и прекрасна, и через шесть недель Она вернёт острову величие на Празднестве Жизни!

– Пожалуйста, замолкни, Молворт, – попросила Виола.

Молворт злобно уставился на неё.

– И не подумаю, – отрезал он. – И вот ещё что: прекрати оставлять на моих столах эти свои листовки. Никому нет дела до твоей дурацкой революции. Ты неблагодарная безбожница, и однажды я возьму эту кошку...

Виола подлетела к нему и принялась щекотать под мышками.

– Нет, не надо! – запротестовал Молворт, заходясь смехом.

– В жизни, знаешь ли, есть и другие вещи, помимо Королевы, – фыркнула Виола, выдёргивая ключ, зажатый у Молворта в кулаке, и, оставив поверженного паренька у стойки, повела Сифа и Элли из бара.

– Ерунда, недостойная моего времени, – изрёк он отрешённым голосом.

Элли и Сиф последовали за Виолой по узкой витой лестнице вверх по дубу, сквозь мерцание листвы, к толстой, будто кит, ветке, которая была гладко отшлифована, чтобы стать опорой для длинной деревянной хижины. Внутри был коридор, где пахло сыростью.

– Вы в самом дальнем конце, – указала Виола, отдавая Сифу ключ. – Мне пора возвращаться к папе. Увидимся завтра, Сиф. Будь в доках на рассвете – мы отплываем с приливом! О, и я принесу тебе почитать несколько моих листовок. Пока, Дженнифер, – прибавила она, обращаясь к Элли.

Пахнувшая сосной и табаком комнатка выглядела как каюта корабля, потолок был такой низкий, что Сифу приходилось пригибаться. Элли повесила свой бушлат на единственный крюк на стене, и тот немедленно отвалился, брякнув об пол вместе с пальто. Из карманов растеклась чёрная лужица.

– Элли, постарайся хоть эту комнату держать в порядке, – сказал Сиф.

– Это не моя вина! – огрызнулась она, а затем заметила, что Сиф улыбается.

– И никаких экспериментов, – прибавил он насмешливо.

Элли фыркнула и принялась разглядывать красующийся на полке аляповатый рисунок лошади с нацарапанным в углу именем «Молворт». Подобрав свой бушлат, она поискала по карманам и достала плоский свёрток из высушенной кишки тюленя, в котором лежал подмоченный водой рисунок лодки, сделанный цветными карандашами. В лодке сидели рыжеволосая девочка, девочка со светлыми волосами и зеленоглазый мальчик. Элли поставила рисунок на полку и довольно кивнула, но при мысли об Анне её охватила грусть, и она принялась искать, на что отвлечься.

– У нас есть дверь! – провозгласила она с улыбкой, указывая на трухлявую деревяшку, косо установленную в стену.

– И окно, – Сиф открыл его и услышал в ответ негодующий возглас чайки, гнездившейся снаружи. Мальчик уселся на одну из двух кроватей, лицо его плыло в тёплом медовом солнечном свете. – Так странно, что я могу тут жить и не таиться.

Элли улыбнулась – радостно было видеть его счастливым.

Она доковыляла до второй кровати. Она была рассчитана на ребёнка, из подушки лезли перья, металлический каркас запёлся оранжевой ржавчиной. Она была прекрасна.

– Кровать, – сказала она. – Настоящая кровать. Разве не здорово, Сиф? Сиф?

Глаза Сифа были закрыты, а рот вяло приоткрыт. Элли подоткнула вокруг него простыню и зевнула. Её собственная кровать влекла её как морское течение, голова её упала на подушку.

БАХ.

Элли и Сиф в ужасе вскочили на ноги.

Янссен стоял в дверях с широченной улыбкой на лице и пугающим огоньком в глазах, Молворт торчал у него из-под мышки. Он указал на Сифа.

– Вот он! Мой спаситель. Пойдём, мальчик, мы празднуем!

– Пожалуйста, отпусти меня, – вымолвил Молворт, голос его звучал глухо, сдавленный Янсеновой подмышкой.

– Им надо поспать, папа, – сказала Виола, появившись за спиной у Янсена. – Ты посмотри, они на ногах не стоят.

Но Янсен подхватил Сифа и трусцой припустил из комнаты, зажав Сифа под одной мышкой, Молворта под другой. Дверь захлопнулась, и Элли осталась одна.

Тишина придавила её, оглушающая, неожиданная, словно бы Элли просто привиделось, будто остальные были здесь. Она посмотрела на пустую кровать Сифа, нахмурилась, а затем натянула свой бушлат и, крадучись, поплелась следом.

Бар как будто сделался вдвое меньше, чем прежде, под завязку полный пения, криков и запаха рыбы. Пятьдесят мужчин и женщин в кожаных колетах и рваных штанах поочередно представлялись Сифу. А он проводил рукой по волосам, смущённо улыбался и изредка что-то говорил, и тогда все смеялись. Элли прежде не замечала, как легко Сиф сходится с людьми, хотя надо признать, что там, в Городе, все только и жаждали убить его. Даже Анна.

У Элли защемило сердце, когда она вспомнила, как Анна угрожала подсыпать Сифу ядовитых травок в завтрак. Она одиноко стояла в углу, боясь, что кто-то бросит на неё взгляд и заметит её неприкаянность. Она остро ощущала собственные руки и не знала, куда их девать – они казались огромными, так и бросающимися в глаза. Она увидела Виолу: прислонившись к барной стойке, она держала блюдечко молока, чтобы Арчибальд мог попить.

– Привет, я Элли, – сказала она, торопливо подойдя к ней.

Глаза Виолы растерянно сузились:

– Я знаю. Мы... мы встречались.

– А, да. Я просто... ну знаешь, а вдруг ты забыла.

Виола посмотрела на Элли, и Элли сглотнула, чувствуя, что в голове не осталось ни одной мысли. Анна как-то раз сказала, что отличный способ подружиться – это пошутить или обнаружить, что у вас есть что-то общее. Но шутки никогда не удавались Элли – она вечно исхитрялась перемудрить с ними. Она почесала голову, открыла рот и снова его закрыла. Ком в горле стал, наверное, размером с пушечное ядро.

– Так... тебе нравится... ловить рыбу?

Виола нахмурилась.

– Вот, угощайся, – она протянула Элли тарелку с засахаренными булочками. – Моя мама такие пекла. Папа до сих пор путается в рецепте.

Элли с благодарностью взяла булочку.

– Так... почему твоя мама не делает их больше?

– Она умерла.

– Ой, здорово!

Глаза у Виолы стали совсем круглые.

– Ну, то есть. – Элли скривилась. – Моя мама тоже умерла. И брат тоже, – прибавила она, как будто от этого у них делалось ещё больше общего.

Виола наградила Элли долгим взглядом:

– Постой, я думала, что Сиф твой брат?

– А, да, да, правильно. Он и есть мой брат. Мой другой брат. У меня два брата. То есть... у меня было два брата. Нет, постой...

Виола продолжала смотреть на неё.

– Эм... мне нужно пойти и проверить, как дела у Сифа, – поспешно проговорила Элли.

Но у Сифа дела шли вполне неплохо – и даже ещё лучше. Моряки гудели вокруг него и травили байки, непременно с театральными жестами и раскатистым хохотом. Сиф же просто тихо слушал, пока они наперебой пытались поразить его – каким-то образом они уже считали его своим. Тем временем Молворт мельтешил с тряпкой, выныривая то тут то там на уровне пояса с выражением паники на лице, подтирая пролитое и подхватывая пустые стаканы, пока чья-нибудь беспечная рука не смахнула их.

– Сознавайся, парень, в чём твой секрет? – спросил какой-то мужчина у Сифа.

– Ох, – промолвил Сиф, потирая затылок и улыбаясь всё той же смущённой улыбкой. – Ну, сами знаете. Я просто прошу рыбу очень-очень ласково.

Взрыв хохота грянул так громко, что Элли пришлось зажать уши, а Молворт упустил стакан и лишь чудом поймал его мыском башмака. Элли нахмурилась – это даже не была удачная шутка! Она призадумалась, значит ли, что если ты красивый, люди всегда будут смеяться твоим шуткам, даже если они не смешные.

Виола присоединилась к общему кругу.

– А ты рассказал им о той большой белой акуле, которую мы видели?

– Ах да, – кивнул Сиф. – Она была громадная. Зубы как разделочные ножи, и всплыла прямо рядом с кораблём.

Элли опять ожгло сердце. Почему Сиф не упомянул в разговоре с ней, что они видели большую белую акулу?

– Сиф швырнул рыбу прямо ей в пасть, – сказала Виола, делая соответствующий жест. – Думала, она ему руку начисто откусит – прямо в её громадную глотку можно было заглянуть.

Народ слушал во все уши, а Сиф и Виола говорили так, будто они были единственными людьми в баре.

– Как думаешь, какой она была длины? – спросил Сиф. – Как эта комната?

– И у неё были такие мёртвые безжизненные глаза, – продолжала Виола. – Чуть не прыгнула в воду, просто чтобы поглядеть, что она станет делать. Всегда воображала себя акулоторцем. И вот что я бы сделала: я бы врезала ей прямо по голове, а затем...

– Я один раз видела большую белую акулу, – выпалила Элли.

Виола заморгала на полуслове:

– Да ну?

– Ага, – сказала Элли. Все моряки повернулись и уставились на неё. Она прочистила горло. – Она была дохлая.

– О, – улыбка Виолы приугасла. Сиф почесал голову. Остальные матросы зашептались между собой.

– Ага, – повторила Элли. Горло у неё сжалось, ни слова не протолкнуть. – И пахла она дурно вдобавок.

На мгновение повисла тишина, и будь в баре большая белая акула, Элли точно прыгнула бы ей прямо в пасть.

– Извините, – промямлила она и заковыляла к входной двери. – Я... эм... нужно проверить... как там дерево. – Она замялась с дверной ручкой. – Оно снаружи.

– Твоя сестра, она странная, верно? – заметил Янссен. Дверь закрылась за ней, заглушая гул хохота. Элли вышла на жаркое солнце и посмотрела вниз на море и громадный новый остров, раскинувшийся перед ней.

И услышала, как где-то в глубинах разума, выползая из какого-то склизкого сокрытого уголка, нечто иное рассмеялось.

6. Соглядатай

Элли не знала, куда направляется, знала только, что не хочет оставаться в гостинице. Она свернула в первый попавшийся переулок и пошла прочь от Врассыпок к другой части острова.

– Тебе будет совсем уж жарко в этом пальто, девочка, – сказал мужчина, восседавший на куче соломы со свернувшейся на коленях кошкой.

Элли нахмурилась и упрямо замоталась в бушлат. Она вдруг с пронзительной ясностью почувствовала, что ненавидит этот остров с его удушающей жарой, от которой пот затекает в глаза, и его людьми, обожающе толпящимися вокруг Сифа и совершенно не замечающими её саму.

Она прошла не одну улицу, пока сообразила, что ноги ведут её всё выше, к вершине острова. К Ковчегу. Она остановилась, с раздражением обнаружив на щеке слезу. Она посмотрела вверх на Ковчег, вонзившийся носом в небо. Несомненно, если кто-то на этом острове и способен понять её, так это Королева. Королева, которая была мудра и желала защитить свой народ. Королева, которая была Сосудом.

Элли торопливо пошла вперёд, не заботясь о ноющей ноге. Циркачи выделялись на высоких ходулях в ворохе переливчатых пурпурных перьев, шатко вышагивая на потеху маленьким детям. Она прошла мимо (по всей видимости) стражников или, быть может, солдат – мужчин и женщин в полированных серебряных доспехах и витиевато орнаментированных конических шлемах; перья, торчавшие из наверший, были насыщенного цвета красного лука. И везде она оглядывала проулки, ища глазами высокую фигуру с пляжа.

Она не сомневалась, что оказалась в более богатой части острова. Здания здесь, наверху, были менее кривобокими, но не менее красочными, а уж жители обставили бы в щегольстве даже властителей китов. Они носили похожие на церковные колокола платья цвета шафрана и пшеницы, цвета панциря зелёной черепахи и цвета оперения лазурного травяного попугайчика. Они носили громадные, утыканые самоцветами шляпы, которые определённо грозили им в будущем проблемами с шеей.

Как ни странно, поднявшись по склону острова, Элли далеко не всегда могла видеть Ковчег, поскольку улицы были застроены очень высоко. Мельком, на ходу она выхватывала его между крышами, но лишь когда взбиралась, кажется добрый час, она вывернула на длинную широкую улицу, открывшую его полностью.

Ковчег царственно указывал в небеса, словно готовясь вознестись в последнее своё плавание. Он был размером как сотня китобойных кораблей, вместе взятых. Некогда он был выстроен полностью из дерева, но с тех пор части его были заложены камнем, будто бы он со временем закаменел, превратившись из корабля во дворец.

То, что некогда было верхней палубой, теперь стало фасадом, расписанным необъятной стенописью: сотни людей среди пышных, увешанных плодами куш. Нарисованная листва была настолько яркой, что Элли невольно показалось, что деревья продолжают расти у неё на глазах. На самом верху картины, прямо под носом корабля, была выписана сияющая ангелоподобная фигура, любовно оглядывающая сад. Ни мужская, ни женская, фигура расправила необъятные лебединые крылья, ниспадавшие по обе стороны росписи, меняя перья на листья, на побеги, на корни, обвивающие землю, и в их объятии были укрыты люди.

Элли направилась к паре громадных дверей, заключённых в арку в нижней части стенописи, от них, словно язык, выпросталась лестница. Перед ступенями высились железные ворота, а возле них стоял закованный в доспех мужчина и выстукивал латной перчаткой ритм, мурлыча себе под нос.

– Эм... можно мне войти? – спросила Элли.

Привратник даже не посмотрел на неё:

– У тебя официальное дело?

– Эм, я бы хотела поговорить с Королевой, это считается?

– Нет.

Элли заворчала. Она схватилась за ворота обеими руками и слегка протиснула голову в промежуток, пялясь на массивные запертые двери в самом низу стенописи.

– Пожалуйста, не делай так, – сказал привратник. – Ты не поверишь, сколько детей мне пришлось вытаскивать из этих ворот.

– А она когда-нибудь выходит? – спросила Элли.

– Да.

– Если я останусь здесь, я её увижу?

Привратник пожал плечами:

– Может быть. Только она вряд ли увидит тебя.

Элли вздохнула, пытаясь силой воли заставить двери отвориться. Однако вместо этого открылась совсем маленькая дверца сбоку, и показалась вереница из восьми девушек, каждая точь-в-точь как предыдущая. Длинные пурпурные платья с чёрными цветами на плечах, лица покрыты серебряной краской.

– Кто это? – спросила Элли у привратника.

– Если я тебе скажу, ты перестанешь задавать вопросы?

Элли кивнула.

– Это горничные Королевы. Они служат Её Божественному Величеству во всех Её делах.

– Каких делах?

– Мне кажется, что это ещё один вопрос.

Горничные поднялись по ступеням к главному входу с безупречной синхронностью, и двери были распахнуты двумя другими стражами в серебряных доспехах.

Элли так и ахнула, заглянув внутрь. Белые мраморные стены. Сияющая чёрная плитка. Переливающиеся хрустальные люстры. Она и вообразить не могла, какую роскошную жизнь ведут, должно быть, горничные в качестве прислужниц Королевы, женщины, что правит этим островом, превосходящим по размеру даже Город, несмотря на то что она Сосуд. Элли вообразила: вот она идёт по дворцу с высоко поднятой головой, оказывая Королеве помощь и порая её своими познаниями. Волоски у неё на шее встали дыбом.

Затем двери с грохотом захлопнулись.

Элли сузила глаза.

– Я вернусь, – пообещала она привратнику.

– Буду ждать с нетерпением, – отозвался он. – Хотя, пожалуй, в следующий раз лучше надень башмаки.

Элли поплелась прочь, чувствуя себя даже более одинокой, чем прежде. Ноги вынесли её вниз по улице, и она мешком рухнула перед ювелирной лавкой. Биение сердца отдавалось во всём теле, будто часы тикали внутри пустого собора.

Она думала о Сифе, на лице которого была улыбка – для всех, кроме неё. Она застонала и сползла по стене, пока не легла практически навзничь. Мимо прошла девочка с копной рыжих кудряшек, и Элли всей душой захотелось, чтобы было возможно, чтобы Анна прямо сейчас оказалась рядом, подняла её на ноги и потащила воплощать свой очередной дурно продуманный и опасный замысел.

Но Анна была в тысяче миль отсюда. В Городе, который полагал Элли погибшей – и желал ей смерти. Она пыталась напомнить себе, что в каком-то смысле Анна и теперь была с ней. Их дружба выдержала и время, и превратности жизни. И смерть. Анна научила её этому, и это спасло Эллину жизнь. Она попробовала представить, что Анна рядом. Попыталась представить себе её лицо.

Но это было так трудно.

Она протяжно выдохнула, и вместе со вздохом ушла часть боли, и она медленно поднялась, опираясь на трость. Она посмотрела вниз, затем прищурилась.

Что-то блестело на камнях мостовой. И не одно что-то, честно говоря.

На земле были кровавые отпечатки ног, поблёскивающие белыми искорками на солнце. Детских ног.

Элли поставила свою босую ступню рядом с одним из них. Отпечаток был примерно такого же размера, как её нога. Следы тянулись по улице, и Элли испугалась, что где-то рядом раненый ребёнок. Она пошла по следам за угол, вниз по улице, в тупик, где следы исчезли возле груды ящиков.

Элли нахмурилась, недоумевая, куда мог деться ребёнок. Затем она подняла голову и увидела на самом высоком ящике стоявшую на коленях девочку.

У неё была смуглая кожа и длинные растрёпанные тёмные волосы. На ней был выдавший виды синий плащ, чёрные туфли и носки, и она за чем-то наблюдала через окно.

– Извини, – сказала Элли, – но ты не видела раненого ребёнка?

Голова девочки хлётко повернулась к Элли. Внезапным появлением Элли она, похоже, несколько не была удивлена, только раздосадована.

– Заткнись, – беззвучно проговорила она и снова принялась смотреть в окно.

– Ты что, не видишь все эти следы?

Девочка сердито махнула в воздухе рукой. Она была хорошенькая, примерно одних с Элли лет или немного постарше. Когда начала жестикулировать, плащ её разошёлся, и под ним мелькнуло что-то светло-сиреневое. Элли ахнула.

– Ты одна из горничных Королевы! – зашептала она, заметив разводы серебряной пудры у правого уха девочки. – Ты здесь по королевскому поручению?

– Тсс! – зашипела девочка.

Элли заползла на ящик. Вблизи девочка пахла мёдом и лавандой. Элли заглянула через окно в уютную кухню. На стене висели детские рисунки, полки были уставлены пряностями и травами, деревянный рабочий стол завален скорлупой кокосовых орехов, помидорными семечками и рыбными скелетами.

Мать, отец и три дочери сидели за кухонным столом. Отец вручил младшей дочери игрушечного дельфина, сшитого из фетра, и девочка крепко прижала его к груди. На ней была шляпка в цветах, и Элли решила, что это её день рождения. Мужчина откинулся на стуле, довольно наблюдая за дочерью. У него было ласковое лицо и добрые глаза, которые вдруг скользнули к окну, заметив Элли и другую девочку.

– ТЫ! – Он взревел так, что стекло задрожало. Он подскочил с места и метнулся куда-то с глаз. Ткань мазнула Элли по лицу, когда горничная спрыгнула с ящика и понеслась прочь по переулку к улице.

Возникшая громадная тень преградила ей путь.

– Я говорил, что сдам тебя Смотрителям, если опять поймаю тебя за подглядыванием! – громыхал отец.

Девочка застыла на месте, руки её дрожали. Элли перевела взгляд с неё на огромного мужчину, затем обратно, а потом сунула руку в карман бушлата. Она извлекла небольшую металлическую сферу, молясь, чтобы она сработала после всех этих месяцев, проведённых в море, и швырнула её под ноги мужчине.

Шар немедленно взорвался, испуская необъятное облако дыма, заполнившее переулок. Элли бросилась вперёд, протянула руку и отыскивала тонкое предплечье и ладонь, которая ухватила Эллину с неожиданной силой. Массивная тёмная тень металась над ними, но они прокрались мимо, а затем вылетели из дыма, и всё вокруг залил солнечный свет.

Они поспешили пересечь улицу и свернули в другой переулок, слыша позади вопли мужчины. Элли, сжав зубы, пыталась поспевать за девочкой, но её правая нога яростно болела.

Повернув за угол, она зацепила ногой ящик с пустыми цветочными горшками, споткнулась, гвозди и отвёртки посыпались у неё из карманов, трость задрезжала, отлетая по камням мостовой.

Элли услышала отзвук низкого выкрика совсем рядом: мужчина гнался за ними. Она подняла голову и увидела, как горничная улепётывает по переулку. Элли застонала – её единственный шанс встретиться с Королевой ускользал от неё.

Затем девочка обернулась через плечо.

Она увидела, что Элли упала, поколебалась, затем, закатив глаза, припустила обратно и подобрала Эллину трость. Она потащила Элли прочь из переуллка, по другому проулку, сквозь обескураживающее многоцветье вывешенного на просушку белья и вялящейся рыбы, натянутой на деревянные рамы. Наконец они остановились в прохладной тени, падавшей от статуи Королевы. Девочка села, с подозрением оглядывая Элли. Щёки её окрасились румянцем, но в остальном она была вполне собрана. Элли же кашляла, навалившись на свою трость.

– Сп-пасибо, – едва выпалила она. – Что вернулась за мной.

– Как ты сделала это тёмное облако?

– Ох, – выдохнула Элли, едва переводя дух. – Это была... была одна из этих. – Она вытащила из кармана ещё одну металлическую сферу. – Я называю их дымовыми шарами. Они содержат... сахар, селитру и соду. – Она сделала паузу, ожидая, что девочка будет впечатлена, но та просто продолжала смотреть. Глаза у девочки были большие, карие с золотыми искрами. – Я сама их сделала, – прибавила Элли.

Но девочка по-прежнему ничего не говорила, просто смотрела.

– Я, знаешь ли, изобретатель, – у Элли совсем пересохло во рту.

Девчонка даже глазом не повела.

– Меня зовут Элли.

Уши девочки слегка дрогнули. Всё остальное было так же бездвижно, как и статуя, высящаяся над ней.

– Эм... а как твоё имя? – спросила Элли.

– Кейт, – ответила она. – Можно посмотреть?

Элли передала ей дымовую шашку. Девочка повертела её пальцами, изучая.

– Э... Кейт? – сказала Элли. – Ты ведь работаешь на Королеву, правда?

Кейт подняла глаза, в них что-то опасно блеснуло. Предчувствие неминуемой расправы.

– Я просто, эм... – запинаясь Элли. – Дело в том, что я тоже хотела бы на неё работать. И наконец Кейт моргнула, медленно и осознанно.

– Что ты можешь сделать для Королевы?

– Ну, как я сказала... я изобретатель. Я создаю вещи. Я сделала лодку, которая может плавать под водой. Как думаешь, ты не могла бы спросить у неё, а что, если я... понимаешь...

– Для чего Ей можешь быть нужна ты?

– Ну, я думаю, что могла бы быть полезной, – проговорила Элли. – И я хочу быть частью чего-то хорошего. Ты работаешь на Королеву, ты же должна понимать, что я имею в виду?

Кейт изучала Элли всё тем же опасным взглядом.

– Ты не хочешь работать на Королеву, Элли, – сказала она. – Королеве нельзя доверять.

Она бросила дымовой шар оземь.

Дым метнулся Элли в нос. Она закашлялась и выставила руки, потянувшись в серую завесу перед собой. Но пальцы её коснулись голой стены, а когда дым рассеялся, Элли обнаружила, что стоит в пустом переулке.

Одна.

Дневник Лейлы

4756 дней на борту «Возрождения»

Я приношу Карге воду для её растений и для мальчишки. Я покупаю рыбу у рыбачьих кланов. Теперь, когда Голубоглазый мёртв, я не принадлежу ни к какому клану. И денег у меня тоже нет, но Карга даёт мне свёклу и лук на обмен, такие крутобокие и сочные, что, кажись, из них вода брызнет, если их проколешь. Совсем не то что измочаленные овощи, которые землепашеские кланы растят на Небесной палубе.

– В чём твой секрет? – спросила я, глядя, как она обрезает вишнёвое дерево в тусклом свете свечи.

– Внутри меня живёт бог. Вот, возьми. – Она отдала мне часть отрезанных ветвей, их надо было собрать в ведро.

– Как одного зовут?

– Онный никак себя не зовёт.

– Я думала, у богов есть имена. У Врага есть имя.

– Это имя, которое мы дали оному, и к немалому одного восторгу, даже не сомневаюсь. Как твоё имя, девочка?

– Лейла, – сказала я. – Лейла, китовая верховая.

– Теперь тебе нужно новое имя.

– Не хочу я новое имя.

– Это имя не описывает тебя.

– И что? Ты зовёшь себя Сосудом, но я ещё не видела никакого тому доказательства.

– Подержи это, – сказала Карга, вкладывая мне в руки горшок с землёй.

– Не знаю даже, чего я трачу тут своё время, – сказала я, чувствуя, как во мне вскипает раздражение. – Ты не принесла мне ничего, кроме горя и мальчишки, который лишил меня китовых глаз и который спит здесь всё...

Что-то коснулось моего запястья, и я выронила горшок. Я ожидала глиняный брызг, но... ничего. Горшок завис в футе⁴ от деревянного пола, ветвь курчавилась от земли, обвиваясь вокруг моей руки. Я смотрела, как остренькие листочки разворачиваются из тугих почек.

Старуха смотрела на меня.

– Ты остаёшься здесь, потому что думаешь, что у тебя не осталось ничего иного, дитя. Ни родителей, ни братьев и сестёр, ни даже кита. Божество же во мне... оное потеряло весь этот мир. Но с ним, – она опустила глаза к овчиной шкуре, на которой совершенно неподвижно лежал мальчишка, – мы сможем сделать мир опять новым.

Карга провела рукой над моим запястьем, и ярко-пурпурный цветок выметнулся, распускаясь.

⁴ Фут – мера длины, равная 30,48 см.

7. Уроки гуано

Сиф покидал «Гнусный дуб» каждое утро ни свет ни заря, чтобы трудиться на корабле Янссена. Иногда Элли будил уже звук закрываемой им двери, и она, недовольная, одинокая, выползала из-под простыни в громадную и пустую спальню.

Однажды она приковыляла в бар, где Молворт как раз мыл пол. Комната воняла застарелым пивом и вином, лужи одного и другого были повсюду, а вдобавок почему-то разбитая скрипка. Мужчина спал на столе у окна, его идеально круглый живот поднимался, затмевая солнце, и опадал.

– Эм... может, я помогу? – спросила Элли. Молворт ткнул мужчину рукоятью швабры, добившись в ответ только рыгания.

– Ты только под ногами будешь путаться, – пробурчал Молворт, извлекая из кармана вилку и придирчиво осматривая зубья в солнечном свете. – Чем ты вообще занимаешься?

– Ну... в настоящий момент ничем, – призналась Элли, засунув руки глубоко в карманы. – Я никогда раньше не бездельничала.

– Помолись Королеве, и Она укажет тебе путь, – посоветовал Молворт, держа вилку над голым животом мужчины. – И, может, попробуй иногда расчёсывать волосы.

Элли буркнула под нос и вышла из паба. Сзади раздался пронзительный возглас, всполошивший кур и чаек.

Не зная, чем ей заняться, пока Сиф рыбачит, Элли бродила по острову. Она обнаружила кузню возле Горбатых скал, где тощие козы с голубоватой шерстью сигали с уступа на уступ. В кузне было жарко и дымно, и Элли вдохнула полной грудью, воображая, что она у себя в мастерской. Она почти ожидала, что вот-вот появится Анна, обнимет её или ущипнёт за руку.

– Чего ты хочешь? – спросила женщина, вставая из-за мехов. Её кожа была картой старых ожогов.

– Я ищу работу.

– Ты умеешь готовить?

– Немного. Однако я не...

– Мне нужно, чтобы кто-то готовил мне суп.

– Нет, ты не понимаешь, я изобретатель.

– Так изобрети мне суп.

– Я могла бы... сделать тебе машину, которая будет точить твои инструменты или... выгонит весь этот дым? Я могла бы усовершенствовать эту твою кузню. Она выглядит очень старой.

– Ты мне будешь рассказывать, как делать мою работу?

– Вот именно! – воскликнула Элли. – Я могу подсказать тебе всякие варианты, как ты могла бы делать свою работу лучше.

– Недужные нудилы мне без надобности, мне нужно, чтобы кто-то приготовил мне суп.

– Ну пожалуйста, мне нужна работа!

Кузнечиха закатила глаза:

– Помолись Королеве, и Она укажет тебе путь. А теперь выметайся.

Так Элли побрела к югу на берег Абрами, где старики и старухи хоронились в тени пальмовых деревьев, пока дети играли и визжали на мелководье. Она зашла в аптеку, тесную лавчонку, загромождённую полками с разноцветными порошками, с потолка там свисали сотни вязанок высушенных растений. Пахло гнилью и вонючими фруктами.

Сухотелый мужчина, стоявший за прилавком, взглянул поверх газеты, которую читал. На развороте шли крупные буквы:

ЛОРЕН ПЕРЕДАЕТ БЕДНЫМ ЗЕРНО. БЕДНЫЕ СЧАСТЛИВЫ
УВИДЕТЬ СВОЕГО ГЕРОЯ

– Королева, помилуй, что с тобой? – возгласил мужчина, в ужасе выпучив глаза. – Почему ты не обратилась ко мне раньше? Ветвь василистника⁵ вернёт краску твоим щекам.

Он протянул побег с сиреневыми цветочками. Элли состроила гримасу.

– Это же белладонна. Она очень опасна⁶.

– Дитя, я несколько больше тебя знаю о травах. Возьми-ка. – Он протянул что-то небольшое, круглое и красное. – Это в считанные минуты починит твою ногу.

– Это редиска. Ты всё это продаёшь людям в качестве лекарства? Я буду удивлена, если ты никого не убил!

– Придержи язык, девочка! Дорин Виллис была в преклонных годах. И у неё были эти бородавки на лице ещё до того, как она пришла ко мне.

– Слушай, я могу получить работу? Я много знаю о растениях.

Мужчина оглядел её с головы до пят. Его лицо расплзлось в широченной улыбке.

– Нет.

После этого Элли заглянула к свечнику, пирожнику и портнихе, но никому из них не нужна была её помощь. Она зашла к поварихе, и та решила, что она пришла посидеть с её ребёнком. Она сунулась к пожилому часовщику, который пригрозил ей арестом. Она обратилась к робкому чистильщику обуви.

– Я могу изобрести машину, которая будет наводить блеск на башмаки вместо тебя, – вдохновенно предложила ему она. В руке у него была щётка, а перед ним выстроилась нетерпеливая очередь экстравагантно одетых дворян.

– Ой, батюшки, думаю, тебе лучше уйти, – промямлил он. – Ты выглядишь нездоровой – тебе, пожалуй, не помешает взять ветвь василистника у аптекаря.

– О-о-о, ей можно сделать восемь рук, и на каждой кисть будет вращаться быстро-быстро, начищая обувь, так что ты сможешь просто сидеть и отдыхать!

– Но мне нравится чистить обувь!

– Пожалуйста, – сказала Элли. – Мне правда нужна работа.

Мужчина заглянул Элли в глаза.

– Помолись Королеве, и Она...

– Ух, я бы тебе сказала, что она может сделать со своим путём! – завопила Элли, а затем бросилась улепётывать, когда люди накинулись на неё, как стая чаек на рыбу.

* * *

Дверь в спальню приоткрылась на пару дюймов⁷ и застряла. В проёме показалось утомлённое лицо Сифа.

– Почему дверь не открывается? – спросил он устало.

Элли поспешно подошла и передвинула большую металлическую кастрюлю, стараясь не расплескать жидкость внутри.

– Что она тут делает? – спросил Сиф.

– Я её позаимствовала на кухне.

Сиф нахмурился, затем оглядел их комнату:

⁵ Василистник – растение из семейства лютиковых, которое действительно используется в медицине.

⁶ Если Элли имеет в виду, что эти цветы ядовиты, она права (все лютиковые ядовиты); однако белладонна – это совершенно другое растение из семейства паслёновых (также ядовитое).

⁷ Дюйм – мера длины, равная 2,54 см.

– Элли, что ты тут устроила?

От стены до стены весь пол был заставлен кастрюлями, жестянками, глиняными мисками, кружками, стеклянными кувшинами, тут был даже пустой черепаший панцирь, из которого Янссен любил пить пиво. Все ёмкости были до краёв налиты какой-то мутной серо-зелёной жижей, и в комнате пахло затхлостью, несмотря на открытые окна. Нетронутой оставалась только кровать Сифа, в знак особого уважения вокруг неё было примерно на фут пустого пространства.

– Это гуано⁸, – гордо сообщила Элли.

– Какое ещё гуано?

– У них тут есть залежи гуано на северном берегу, там его просто полно.

– Но что это?

– А, ну... это птичий помёт.

– Птичий помёт! – вскричал Сиф и тут же зажал рукой рот. – Птичий помёт? – прошипел он. – А ты сказала Молворту, для чего тебе нужны его кастрюли, когда просила их одолжить?

Элли засмеялась:

– О, даже не переживай об этом.

– Хорошо.

– Я и не спрашивала.

– Элли!

– Ну, он бы не дал мне их, если бы я спросила.

Сиф с оглядкой пересёк комнату.

– Я приму ванну.

– Э... я бы не советовала в настоящий момент пользоваться ванной. Она... занята.

У Сифа закаменели плечи.

– Разве мы не договаривались: никаких экспериментов в спальне?

Элли одарила Сифа своей самой обворожительной улыбкой:

– Это часть моего нового плана.

Сиф, ворча, перепрыгнул через последние кастрюли и рухнул на постель. Элли взяла длинную деревянную ложку и помешала в одной из мисок.

– А ты не спросишь меня, для чего это? – спросила она, вздёрнув повыше ложку и внимательно её осматривая.

Сиф зарылся лицом в подушку.

– Если я оставлю гуано в воде на ночь, – пустилась в объяснения Элли, – то образуются такие особенные кристаллы, понимаешь?

Она выждала несколько секунд. Сиф глубоко вздохнул:

– И зачем нужны эти кристаллы?

Элли наслаждалась моментом.

– Порох.

– ПОРОХ? – возопил Сиф, забившись в угол комнаты и в ужасе уставившись на кастрюли.

– Я его ещё не сделала, – сказала Элли. – Кристаллы необходимо смешать с углём и серой, иначе они не взорвутся.

– Элли. – Сиф накрепко зажмурил глаза. – Нам нужно быть тише воды. Помнишь того человека с чёрного корабля? Тебе не кажется, что на тебя могут обратить внимание, если ты по ошибке взорвёшь пол-острова?

⁸ Гуано – разложившийся в условиях сухого морского климата помёт морских птиц, содержит существенный процент соединений азота и фосфора, используется как удобрение и для производства пороха.

– Ай, я думаю, это параноидальный страх – столько дней прошло, а мы его и не видели. Вероятно, это был просто рыбак. Никто не смог бы последовать за нами от самого Города. Ну и потом, я ничего не взорву – я сделаю только малюсенькую бомбу, просто проверить, что порох работает. И я обещаю взорвать её где-нибудь, где никого нет.

– Элли.

– А остальное для фейерверков. У них их нет – может, они забыли, как они делаются?

Сиф в бессильной досаде растёр лицо руками:

– Отлично, вперёд, давай повсюду пускать фейерверки. Никто ничего и не заметит.

– Ну а может, я хочу, чтобы она заметила, – огрызнулась Элли.

– Она? – переспросил Сиф. – Кто это «она»?

Элли сосредоточенно смотрела в миску с гуано, в которой она помешивала. Она чувствовала, что Сиф наблюдает за ней.

– Пожалуйста, только не говори мне, что ты имеешь в виду Королеву, – проговорил он.

У Элли запылали щёки.

– И чем, по-твоему, Королева может тебе помочь?

– Может быть, она знает, как одолеть Врага, – сказала Элли. – С чего бы иначе оному бояться её?

– Элли, это просто старое предание, в которое здесь верят. Некоторые матросы Янсена ещё убеждены, что, если в понедельник умыться чернилами кальмара, это принесёт удачу.

– Но если есть малейший шанс, что это предание может оказаться правдой, мне нужно всё выяснить. А потом, она тоже Сосуд, как и я. И у неё явно всё хорошо – она Королева. И может, она сумеет помочь мне, чтобы и со мной всё было хорошо.

Сиф осторожно шагнул к ней.

– Но с тобой всё хорошо, Элли.

– Вовсе нет, – бросила Элли, так яростно помешивая в кастрюле, что гуано плеснуло через край. – Я видела одного. Под водой, в тот день, когда мы приплыли сюда. Что, если оный вернётся?

– Элли, оный не вернётся, – мягко сказал Сиф. – Тебе не нужна помощь Королевы – ты уже сама одолела Врага. И ты не станешь высказывать желания, и никак иначе оный не наберёт силу.

– Но что, если Королеве известно что-то, чего мы не знаем? – На Элли нахлынуло раздражение. – Я не понимаю, почему тебя это совсем не занимает. Она Сосуд. Внутри её разума живёт божество. Кто-то из твоих братьев или сестёр.

Сиф вздрогнул.

– Я тебе уже говорил – я не хочу иметь дела с другими богами. Я просто хочу рыбачить. Я не хочу всё время чувствовать море. И сны эти видеть я тоже не хочу.

– Какие сны? Ты имеешь в виду те видения, те, что видел тогда?

Сиф кивнул:

– Они не прекращаются.

– И что ты видишь?

– Я... я некий другой человек, и я внутри Ковчега. Только Ковчег плывёт в море, а не торчит посреди острова. И поначалу я был внутри косатки, или я был этой косаткой, но потом я просто мальчик. И там некая девочка по имени Лейла, и некая старая женщина, которую называют Каргой.

– Но, Сиф, это, должно быть, воспоминания. Это одна из твоих прошлых... жизней, ну или как это назвать. Та косатка была твоим Сосудом, а мальчик – одно из твоих прежних воплощений.

– Я знаю, что это воспоминания, – сказал Сиф, глядя себе под ноги. – Всё равно я их не хочу.

Элли отложила ложку и, замирая, поднялась, чудом не поскользнувшись на луже гуано.

– Но, может, если в следующий раз ты поподробнее запишешь...

– Я не хочу помнить, Элли, – промолвил Сиф, и в голосе его зазвенело раздражение. – И голоса эти я тоже не хочу слышать. Мне не важно, кем я был.

– Но как же твои братья и сёстры? – спросила Элли. Она никак не могла понять, почему он не желает вспомнить их – сама Элли сражалась из последних сил, чтобы вспомнить своего брата, и это спасло её жизнь.

– Мои братья и сёстры вон там, Элли. – Сиф указал за окно в сторону доков.

Элли прищурилась:

– Ты имеешь в виду... моряков?

– Да. Они не преследуют меня, и они не пытаются вынудить меня стать чем-то иным. Они просто позволяют мне быть собой.

Элли сделала шаг назад.

– Я не пытаюсь вынудить тебя стать ничем иным. Но... неужели ты не хочешь знать, кто ты на самом деле?

– Я знаю, кто я.

Элли отвернулась, чувствуя, что не в силах смотреть на него. Она почти жалела, что они больше не в море, где они были только вдвоём.

– Я... Я не знаю, кто я здесь, – проговорила она вполголоса. – Без всякого занятия.

– Тогда приходи работать со мной на корабле, – предложил Сиф. – Подумай, как это будет весело – мы будем всё время вместе.

Элли подумала о том первом вечере в баре, как моряки смеялись над ней. Её передёрнуло от стыда.

– Мне нужно быть полезной.

– Ты можешь быть полезной на рыболовецкой шхуне, – настаивал Сиф.

– Нет, это ты можешь быть полезным на рыболовецкой шхуне, – отрезала Элли. – Я просто буду путаться под ногами. И потом, вся команда тебя обожает. – Неожданное жгучее чувство вскипело внутри неё. Глаза закололо от слёз. – Я хочу, чтобы Анна была здесь.

И едва эти слова вылетели, ей захотелось взять их обратно. Они наполнили комнату, омерзительные, как вонь от гуано. Сиф неотрывно смотрел в пол, наморщив лоб. Чувство вины мурашками побежало по шее, но Элли сжала кулаки.

– Ты не хочешь проводить время со мной? – тихим голосом спросил Сиф. – Ты могла бы... помогать с починкой?

– Послушай. – Элли снова села. – Я изобретатель. Я не могу день-деньской чинить лодки. Глаза Сифа распахнулись.

– Ты считаешь, что ты лучше их, – сказал он. – Тебе нужно не чтобы Королева помогла тебе, тебе просто нужно, чтобы кто-то говорил тебе, какая ты особенная.

Боль в животе у Элли спеклась в вихрь гнева:

– Не читай мне нотаций! Ты представить не можешь, через что я прошла.

Сиф открыл рот, чтобы запротестовать.

– Нет! – Элли крутанулась ему навстречу. – Скрываться годами – скрывать самую тёмную тайну, которая только может быть! Это было непросто, Сиф, но я сумела! Я спасла твою жизнь. Я одолела бога...

Она сердито шагнула к нему, но нога её погрузилась прямо в большую кастрюлю, жижа промочила носок, забиваясь между пальцами.

Медленно-медленно Элли вытащила ногу, капая гуано на пол. Щёки её горели.

– Я пойду принесу чистой воды, – сказал Сиф, ловко перешагивая через кастрюли на пути к двери. – И мыло. – Он отвесил глубокий поклон. – Ваше Величество.

8. Человек на рыночной площади

На следующее утро, когда Сиф встал на работу, Элли притворялась, что спит, повернувшись спиной и свирепо зажмурив глаза, пока он не закрыл за собой дверь спальни.

Молворт подозрительно поглядывал на неё, когда она завтракала в баре.

– Сиф выглядел несчастливым, когда уходил, – сказал он, опершись на свою швабру.

Элли захрустела редиской.

– Я слышал ссорящиеся голоса вчера вечером.

– Я не хочу об этом говорить.

– Вот и Сиф так сказал. Хотелось бы мне иметь лучшего друга.

– Мы брат и сестра, – поправила Элли.

– Ну уж нет. Не ври мне – я всю жизнь провёл здесь, наблюдая за людьми, и с одного взгляда увижу, если кто лучшие друзья.

– Ты зловеще взрослый для двенадцатилетнего, – заметила Элли.

Молворт приблизил своё лицо к Эллиному почти вплотную.

– Дружба ценна превыше всего. Так говорит Великая – Та, что мудрее всех.

Элли отстранилась от него.

– Но он теперь дружит со всеми этими матросами, и они всегда вместе. Я пыталась заговорить с ними, но... я не очень сильна в разговорах с людьми.

– Я знаю, – сказал Молворт. – Я видел.

Элли насупилась:

– Может, и у тебя был бы лучший друг, если бы ты был поприветливее.

– Я всего лишь честен. Честность ценностью своей и уступает лишь дружбе, так говорит...

– Ладно, ладно, – сказала Элли. – И что мне делать?

– Почему бы тебе не сделать ему подарок и не извиниться?

– Это хорошая идея.

– Я знаю. А теперь выметайся – мне нужно позаниматься на скрипке, а я не могу, когда кто-то слушает.

Итак, Элли побрела на рынок Рафаэлы к югу от Врассыпок, где сотни красочно разряженных людей плясали под барабаны, словно поле диких цветов на ветру. На счёт восемь они в один голос выкрикивали: «Воздадим Ей хвалу!» Элли мурлыкала мелодию и изучала ряды, восхищаясь пирамидами из медовых пряников с пурпурной глазурью, фигурками животных, брошками в форме листьев. Элли взяла в руки маленького горбача, вырезанного из хрусталя, – такого именного кита, как тот, из которого она вытащила Сифа несколько месяцев тому назад. Лучше и придумать нельзя.

– А ты не упаришься в этом пальто? – спросил лавочник. Элли закусила язык и, напарив в карманах деньги, схватила кита и бросилась обратно к Врассыпкам. Ещё немало часов пройдёт, прежде чем Сиф вернётся после рабочего дня, но Элли переполняло возбуждение, пока она шла к «Гнусному дубу», воображая себе лицо Сифа, когда она отдаст ему горбача.

Взбираясь по верхней улице, она взглянула вниз и увидела в садике с лилиями и гибискусами кружок девочек и мальчиков примерно её лет, все они смеялись и шутили.

И там среди них был Сиф.

На нём был зелёный жилет, которого она никогда прежде не видела, и он смеялся так сильно, что захлебнулся и закашлялся. Элли нахмурилась. Он освободился пораньше и даже не подумал найти её? Она робко помахала, и его глаза скользнули к ней – она была в этом уверена, а затем он просто продолжил слушать очередную шутку.

Элли приросла к месту. Она никогда прежде не видела, чтобы Сиф так смеялся, и она уж точно никогда его так не смешила. Честно говоря, она не была уверена, что хоть раз расмешила его. Последнее время он с неодобрением встречал всё, что бы она ни сказала и ни сделала. Он не хотел, чтобы она проводила эксперименты, он не хотел, чтобы она встречалась с Королевой. Он не хотел проводить с ней время.

Круто развернувшись, Элли зашагала обратно на рынок; трость её ударила какого-то мужчину по ноге, да так, что тот вскрикнул и выронил свой бутерброд. Элли была слишком зла, чтобы извиняться. Она жалела, что вообще попала в это ужасное место. Уж лучше бы они нашли тихий маленький островок, где бы не было никаких моряков, отбирающих у неё Сифа, и никаких Сосудов-Королев, не обращающих на неё ни малейшего внимания.

Элли повернула за угол хлебной лавки и остановилась как вкопанная.

– Нет, – прошептала она.

Она всматривалась в мельтешащую толпу, пытаясь убедить себя, что взгляд её вовсе не выхватил на противоположном конце рыночной площади мужчину в длинной чёрной шинели. Женщина в пурпурном платье прошествовала мимо на ходулях, сопровождаемая стайкой хихикающей детворы. Элли прищурила глаза – платье в самом деле немного напоминало инквизиторскую шинель. Она облегчённо выдохнула.

Акробатка на ходулях прошла мимо, и Элли ахнула.

Мужчина был громадного роста, широкоплечий, кожа бледная, как у трупа, глаза как две кляксы. Глаза, полные боли и ярости.

Глаза смотрели прямо на неё.

Харграт.

9. Послания любви и дружбы

– ЛАНКАСТЕР!

Рык прокатился над мирной торговой площадью. Элли кинулась на землю, прячась за спинами толпы.

– Нет, – застонала она. Из всех Инквизиторов, что могли последовать за ней сюда, ну почему это должен был оказаться Харграт?

– ЛАНКАСТЕР!

Крик был нелепо пронзительный для человека его размера. Элли выхватила взглядом, как он рассекает толпу, словно корабль, взрезающий волны. Она припустила прочь с рыночной площади туда, где улица разветвлялась натрое. Она бросила себе под ноги дымовую шашку, чтобы Харграт не понял, куда она свернула, рванула налево и бежала, пока её больную ногу не свело и она не рухнула в узком проулке.

Она прислушивалась, не стучат ли башмаки, но ничего не слышала.

Она дала себе минутку, чтобы перевести дух, а затем поднялась на ноги. Она закрыла глаза, но всё равно перед ними стояла демоническая гримаса Харграта и смеющееся лицо Сифа. Её тело хрустело и ныло, словно набитое гравием. Она посмотрела вниз и увидела кровавые детские следы на камнях мостовой.

Элли оглянулась через плечо, а затем пошла по следам, ничего так не желая, как увеличить расстояние между собой и Харгратом. Следы провели её мимо свиньи, обнюхивающей кучу капустных кочанов, потом мимо двух громогласно переругивающихся женщин, вовсе не замечавших кровавых отпечатков у самых своих ног. Протиснувшись между двумя высокими зданиями из песчаника, она вышла в странный безлюдный проход, над которым густо переплетённые ветви деревьев образовывали сводчатый навес. Тысячи бумажных лоскутов были припилены к стенам, большинство уже пожелтело от времени.

«Моей возлюбленной», – гласил один.

«Наша любовь на века», – обещал другой.

«Спасибо тебе, ты помог мне пережить тяжелейшее время».

Ласковый ветерок пробежал по проходу, зашелестев письмами, и они замерцали, словно чешуя огромной бумажной рыбы. Элли подумала: «Интересно, почему вообще они здесь оказались, а не были отосланы тем людям, к которым обращались? Может, этих людей больше не было рядом?»

Элли осторожно извлекла гвоздь, удерживавший одно из писем на стене.

Дорогая Элли,

Я рад, что мы больше не друзья.

Сиф

Жгучая боль пронзила Эллино сердце. Она заморгала и перечитала:

Дорогая Эдит,

Я рада, что ты была здесь со мной.

Сара

Элли нахмурилась и посмотрела в одну и в другую сторону вдоль прохода. Она хотела вернуть записку на стену и заметила на пустом лоскуте стены под ней расплывающееся красное пятно. Она коснулась его пальцем. Оно было липкое и густое, как кровь, но холодное. А стоило ей моргнуть, и оно исчезло.

Элли почувствовала, как будто единственная капля ледяной воды ударила её в затылок и заскользила вниз по хребту.

– Уходи, – зашептала она. – Оставь меня одну.

Ветер снова зашелестел по туннелю. Бумаги зашептались.

«Одна», – сказали они.

Элли задрожала в своём бушлате.

– У меня и без тебя довольно проблем.

Небольшой бугор появился на стене перед ней, будто воздушный пузырь надулся под бумагами. Она нажала на него, и больше холодной крови вытекло через зазоры между письмами, заливая ей пальцы. Она вытерла ладони о бушлат, но кровь не оставила следа.

Новый бугор вырос на стене.

«Одна», – опять зашептали бумаги.

– Убирайся! – заорала Элли, давя волдырь.

«Элли, – шептали бумаги. – Одна, Элли, одна, Элли, одна». Они вдыхали слово «Элли» и выдыхали слово «одна». Стопка писем скользнула ей в руки, но бумага на ощупь не была бумагой. Она была грубее, как будто ткань или бинты.

Элли, одна, Элли, одна.

Всё больше писем на стене забугрилось. Элли завопила и забила по ним, но руки её дёрнуло внутрь бумаг, и они исчезли до запястья. Курган писем был у самого её лица, и Элли подумалось, что она различает под бумагой очертания глаз, затем носа. Она закричала, и стена выпустила её, и она упала на спину.

Крохотная хрупкая фигура отделилась от стены, смахивая с себя клочки бумаги. Она выглядела как дитя, забинтованное с головы до пят. Лишь шея, плечи, подбородок и рот были обнажены, кожа цвета снега. Волосы торчали на затылке перебинтованной головы густыми, слипшимися от крови прядями.

– Нет, – зашептала Элли. – Ты можешь вернуться.

Она неловко поднялась и отшвырнула фигуру к стене. Только вместо того, чтобы удариться о стену, дитя прошло насквозь, затянутое бумагами.

Элли повернулась кругом, её прерывистое дыхание заполнило пустой проход.

Дитя возникло из противоположной стены, улыбнулось и наклонило к ней свою голову. Элли чувствовала, как оно смотрит на неё, хотя глаза были спрятаны под одинарным туго натянутым полотном окровавленной ткани.

– Я одолела тебя, – сказала она.

– Но не уничтожила, Элли, – ответило забинтованное существо. Голос оно звучал как два, говорящих вместе: один голос детский, другой – глубокий и древний. – Никогда не уничтожила. Я всегда буду рядом, когда ты будешь нуждаться во мне.

– Я не нуждаюсь в тебе.

– Ты нуждаешься в друге, верно? Сиф так счастлив со своими новыми друзьями. Хотя... ах, – дитя вздохнуло с глубоким удовлетворением, – ты бы предпочла, чтобы у него не было других друзей, кроме тебя, верно? Ах, Элли, и я думал, что это я чудовище.

– Замолкни, – прошипела Элли.

Влажное клокотание вскипело в глотке дитя. Звук несколько не походил на человеческий смех.

– Я скучал по тебе, Элли, как же я по тебе скучал!

Акт смеха, похоже, обессилил оно, и онный привалился к стене, ногти зацарапали бумагу, когда онный попытался встать.

– Что ты здесь делаешь? – спросила Элли. Ей хотелось плакать, но она не позволила себе показать ни малейшей слабости перед онным.

– Тебе не скрыть от меня свою грусть, – сказал онный, указывая ей в голову. – Я прямо здесь с тобой. Кто другой знает тебя так же хорошо, как я? Анна знала тебя немного, полагаю, но ты оставила её на том злом, прогнившем острове. Однако же принесла меня с собой...

– Если бы я могла устроить всё наоборот, уж поверь мне, я бы так и сделала, – бросила Элли.

– Этот остров, напротив, почти райский, верно? И эта Королева, о, я слышал, что она Сосуд, совсем как ты.

Элли стиснула руки в кулаки в карманах бушлата.

– Островитяне говорят, что ты боишься её.

– Слухи, – сказала дитя. – Ты думаешь, а вдруг она сможет избавить тебя от меня? Или даже уничтожить меня? Но кто тогда поговорит с тобой? Сиф? Он нашёл себе занятие получше. А-а-а... но эта Королева. Ты думаешь, она станет твоим другом? Ты думаешь, она будет мудрой, изобретательной, заботливой. Похожей на тебя, полагаю? Ты так думаешь, Элли? Что она станет ценить тебя, уважать тебя. Хвалить тебя. Ведь ты этого хочешь, правда? Хвала для маленькой Элли. Воздайте Ей хвалу!

– Заткнись.

Он улыбнулся. Зубы у одного были крохотные и заострённые, как у пирании.

– Бедная, умная, гениальная Элли. Ни матери, ни брата, ни Анны, никто не скажет ей, как она добра, а теперь нет и Сифа. А если ты не делаешь добрых дел... значит, дела твои приняли дурной оборот... А кто знает, что может случиться, если дела твои приняли дурной оборот. В прошлый раз, как дела твои пошли дурно, ох, ты едва не умерла.

– Потому что ты чуть не убил меня! – рявкнула Элли.

– Вперёд, трать своё время впустую. Королева не поможет тебе. Тебе не уничтожить страдание. Тебе не уничтожить меня.

– Оставь меня в покое.

Дитя обхватило себя руками.

– О, как я соскучился по этим твоим протестам! Сразу вспоминаются наши прежние приключения. Помнишь, как я сбросил Харграта в море, и ты подумала, будто я убил его? Но он упорно возвращается, чтобы снова преследовать тебя, правда? Мне кажется, что-то крепко свело его с ума. Слушай, а почему бы тебе не попросить меня убить его взаправду на этот раз?

– Никаких больше желаний, – ответила Элли. – Я победила тебя. Мы покончили с этим.

– Мы не закончили. Тебе нужна моя помощь, или кто-то умрёт.

Элли зарычала:

– Ты не можешь никого убить. Я не высказывала никаких желаний. У тебя нет власти.

– Верно, я сейчас не могу никого убить. Но у людей есть обыкновение всё равно умирать. – Дитя обнажило свои заострённые зубы в ужасающей усмешке. – И этот человек умрёт очень скоро.

Эллино сердце забилося чаще.

– Кто?

– Нет, не дорогой Сиф, – сказала дитя. – Шахтёр, замурованный под землёй, которого скоро пожрёт пламя.

Элли затрясла головой:

– Ты лжёшь.

– Ох... так значит, ты просто позволишь ему умереть? Как непохоже на тебя.

– Никто не умрёт, – отрезала Элли.

– Разве я стану лгать? Попроси меня спасти его – если ему не грозит настоящая опасность, я не смогу спасти его, и я не обрету силу. Ты выигрываешь в любом случае.

– Я никогда ничего не выиграла, попросив тебя о помощи.

– Ох, прости – так это ты спасла Сифа с того костра?

– Оставь меня! – закричала Элли.

– Никто больше не может тебе помочь.

– Это неправда, – сказала Элли, её озарила новая мысль. Она посмотрела на дитя, туда, где должны были быть его глаза. – Есть ещё он, и он всегда со мной.

Улыбка дитя погасла.

– Только не он, не делай этого. – Оный схватился за Эллину руку. – Пожалуйста, ты нуждаешься во мне. Этот человек...

– Финн, – сказала Элли.

Надежда вспыхнула в её сердце, когда мысли её заполнили воспоминания о брате: его сияющие зелёные глаза, веснушчатое лицо и добрая улыбка. Золотистое тепло расцвело в кончиках пальцев, когда она вспомнила наполненные солнцем дни в гребной лодке и вечера, проведённые за настольными играми в сиротском приюте. Когда она вспомнила ту минуту, когда брат спас ей жизнь и сломил силу Врага.

Дитя зашипело и упало на живот, испустив разом пронзительный визг и рёв нисходящей лавины. Тело оного свело тугой судорогой, затем ещё туже, оно схлопывалось и сжималось. Исчезая в ничто.

Элли оперлась на свою трость, чувствуя ликование напололам с изнеможением, как если бы она слишком сильно смеялась. Она позволила уголькам счастливых воспоминаний дотлеть у себя в уме, бездумно перечитывая бумаги на стене. Одна записка бросилась ей в глаза.

Дорогой Луис,

Ты самый невыносимый брат и самый любимый.

Дора

Элли улыбнулась.

Бутылка с сердитым звоном закрутилась по мостовой под ноги Элли, случайно задетая бегущим со всех ног по бумажному проходу мужчиной. Он был бледен, напуган, серая пыль покрывала его волосы и одежду. Он пролетел мимо Элли, не посмотрев на неё.

Элли проследила, как он исчез за углом, а затем осторожно пошла по проходу в ту сторону, откуда прибежал мужчина, прислушиваясь к доносящимся с других улиц звукам.

– На помощь! На помощь! Мне нужен Смотритель!

У Элли сжало сердце, когда она услышала этот дальний возглас. Она ускорила шаг.

С бряцанием металла появился один из солдат в серебряных доспехах и зашагал в том же направлении, что и Элли. Женщина подбежала к нему, глаза её на запорошенном белой пылью лице были обведены красным.

– Помогите мне, Смотритель! – вскричала она, хватая мужчину за запястье. – Пожалуйста, вы должны помочь. Мой брат, его завалило в шахте. Его завалило в шахте, а там пожар!

«Брат, – подумала Элли. – Её брата необходимо спасти».

10. Сталактиты

Элли поспешила за Смотрителем и запылённой шахтёркой. В конце тихой улочки песчаная мостовая уступила место голому выщербленному камню и телегам, гружённым щебнем. Высокий пещеристый рот был пробит в склоне острова, и из проёма исходил серый чад, как будто неведомый курильщик отрывал табачный дым. Когда Элли была уже близко, душераздирающий крик эхом прокатился из темноты.

Она бросилась внутрь. Туннель был такой узкий, что доспех Смотрителя шкрябал по стенам, однако скоро вывел в широкую залитую факельным светом пещеру, где свирепо заострённые сталактиты щерились над головой. Строй перепуганных шахтёров теснился вокруг массивного камня, засевшего в стене пещеры, из щелей вокруг камня сочился дым.

– Я привела Смотрителя! – крикнула женщина.

– Этот камень обрушился, когда мы убегали от огня, – давясь кашлем, стал объяснять Смотрителю другой шахтёр. В пещере воняло палёным компостом, и Элли старалась не вдыхать полной грудью.

– Мой брат замурован на той стороне! – воскликнула женщина.

Смотритель оглядел упавший валун, затем посмотрел на шахтёров.

– У вас ведь есть кирки? – неуверенно спросил он. Шахтёры уставились на него с открытыми ртами.

– Вы считаете, мы об этом не подумали? – сказал один. – Сделайте что-нибудь!

– Что я могу сделать? Вы работаете с камнем – так работайте!

Элли подбежала к камню, зная, что надо действовать, пока остальные не заинтересовались тем, что она делает. Она вытащила из кармана свёрток размером с кулак: глиняная сфера с торчащим из неё коротким отрезом верёвки. Неодобрительный голос Сифа раздался у неё в голове, но она придушила его и, чиркнув спичкой по камню, подожгла конец верёвки. Шнур зашипел как шутиха.

– Что ты тут делаешь, дитя? – вскрикнул Смотритель, наконец заметив её. – Тут небезопасно!

Элли сунула глиняную сферу в широкую трещину в основании валуна. Она услышала слабый кашель с другой стороны. Смотритель схватил Элли за рукав, но она высвободилась и встала на колени у узкого проёма между валуном и стеной пещеры.

– Ты меня слышишь? – окликнула Элли.

Снова кашель, а затем:

– Д-да?

– Отойди как можно дальше назад.

Она повернулась к остальным шахтёрам, переводящим взгляд от неё к маленькой глиняной сфере.

– Что это? – спросил Смотритель.

– Бомба, – ответила Элли. – Вам, пожалуй, стоит укрыться.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.